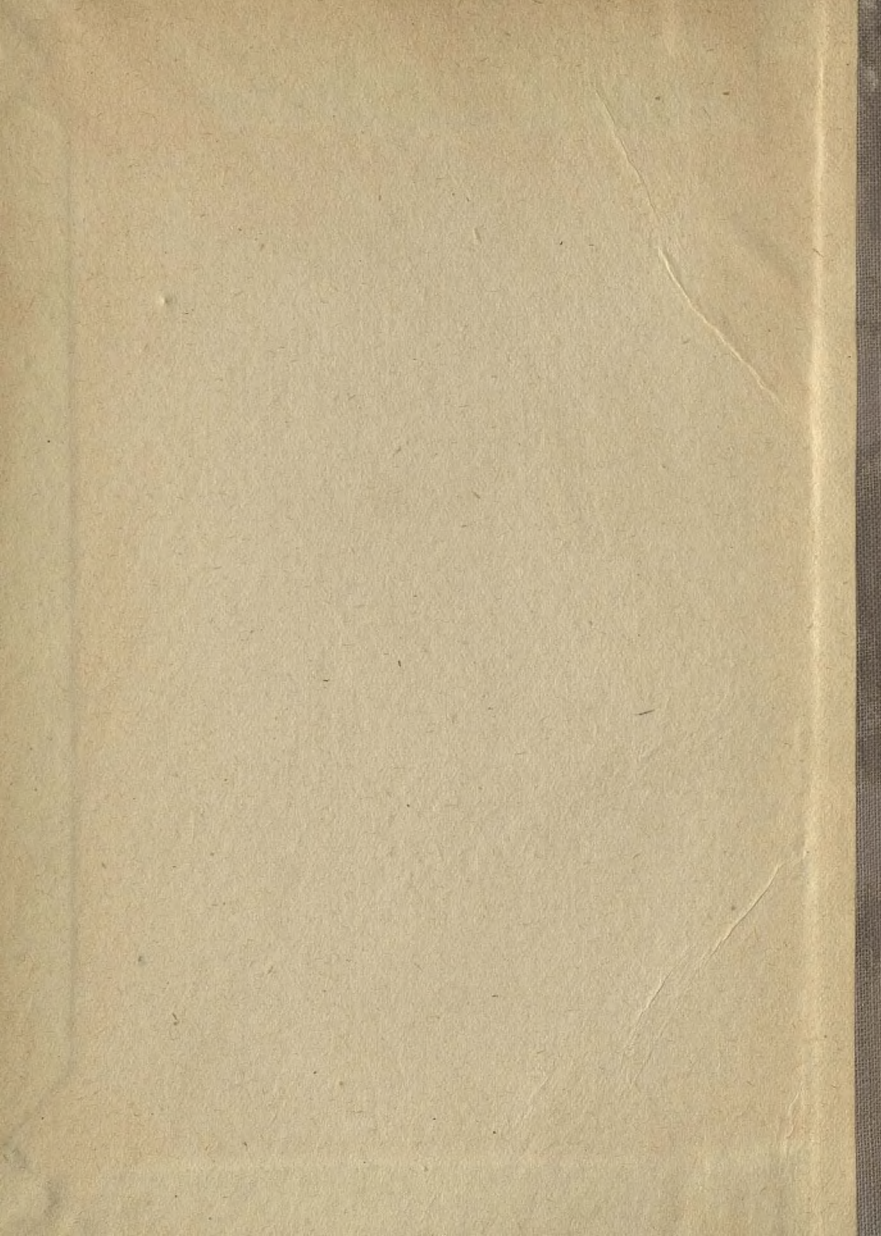
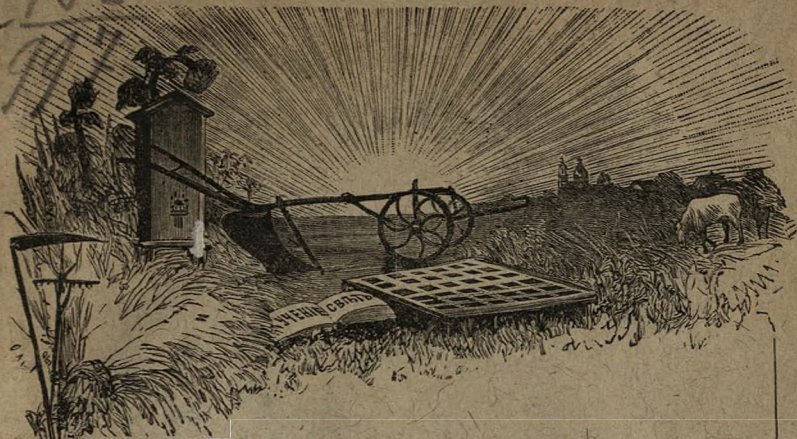

A 158
997

ИЗБРАННЫЕ БАСНИ
И. А. КРЫЛОВА
ДЛЯ ШКОЛЬ И НАРОДА.

— * —
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. И. ТИХОМИРОВА.

Цена 8 коп.

МОСКВА.

Типография М. Г. Волчанинова, Б. Черныш. пер., д. Пустошкина.
1895.

A 158
997

ИЗБРАННЫЯ БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА

ДЛЯ ШКОЛЬ И НАРОДА.

Издание Московскаго Комитета Грамотности при И. О. С. Х.

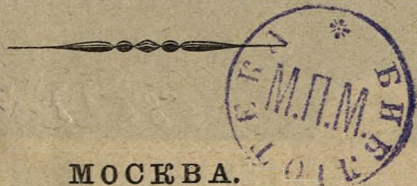
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ЧЛЕНА КОМИТЕТА.

Д. И. Тихомирова.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ КНИГИ:

Москва, Б. Никитская, книжный магазинъ журнала „Русская Мысль“.

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчапинова, Б. Черныш. пер., д. Пустошкина
противъ Англійской церкви.

1895.

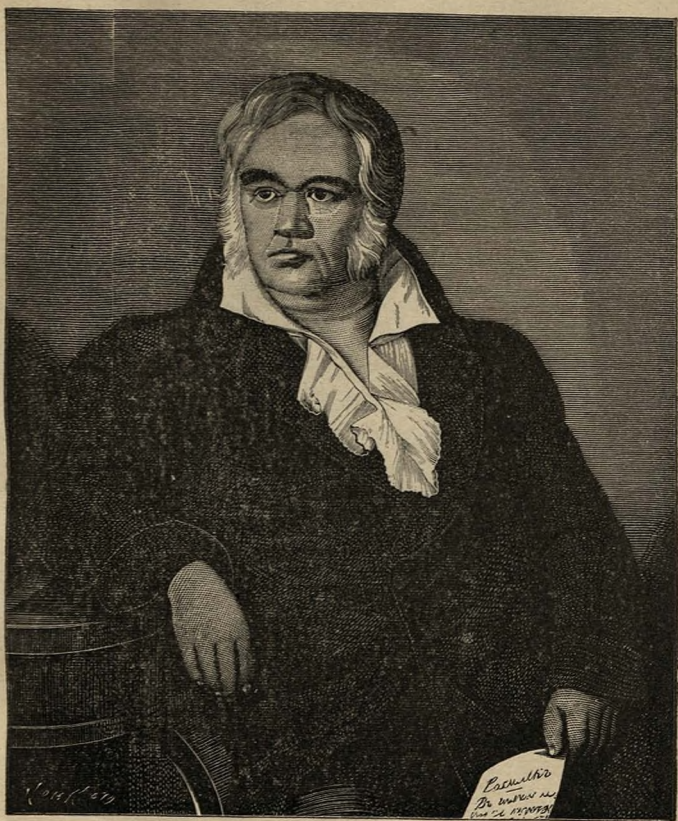
Доволено цензурою. Москва, 16 Ноября 1894 года.

58637-0

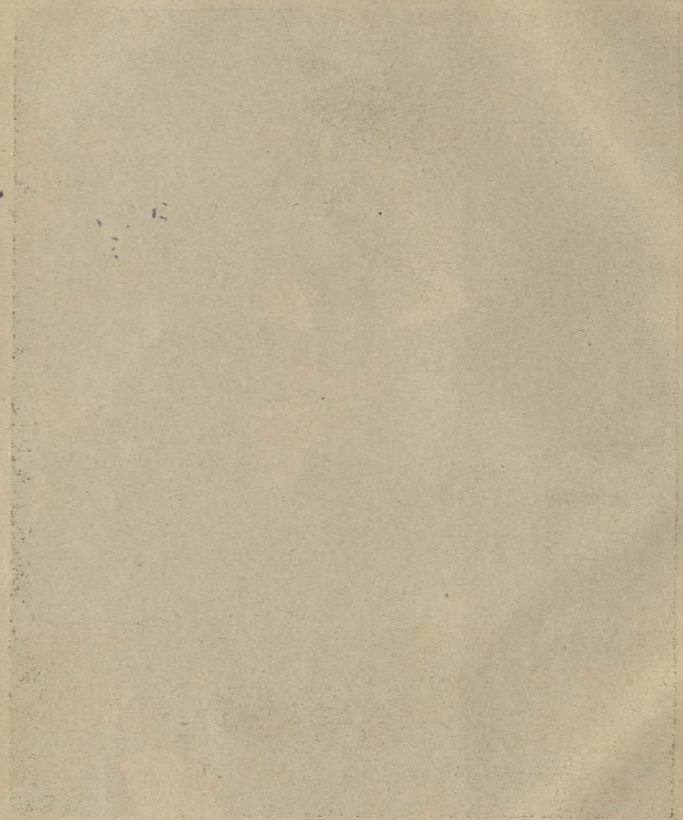
2014243656

Exemplar
De...
...

1787/88

КНИГА ИМЕЕТ:

Чешов.

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка порядковый	1947 г.
<i>72</i>					<i>19</i>	<i>В</i>	<i>163</i> <i>221</i>	<i>1947</i>

12

3/11/12

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

(Родился въ 1768 г., умеръ 9 ноября 1844 г.).

Знаменитый русскій баснописецъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ съ дѣтства ранняго и до зрѣлыхъ лѣтъ прожилъ въ нуждѣ, терпѣлъ разныя житейскія невзгоды. Отецъ его, бѣдный армейскій офицеръ, служилъ сначала въ Москвѣ (гдѣ и родился Иванъ Андреевичъ), а потомъ переведенъ былъ въ Оренбургъ. Воспитаніемъ ребенка здѣсь почти вовсе не занимались: отецъ на службѣ, мать за домашнимъ дѣломъ, школъ нѣтъ, учителей нанять не на что, да и взять ихъ въ такой глуши не гдѣ.

Во время Пугачевщины вся семья едва спаслась отъ лютой смерти. Послѣ усмиренія бунта, отецъ покидаетъ военную службу, ѣдетъ въ Тверь и поступаетъ въ приказные. Мальчику Крылову было тогда лѣтъ восемь. Ребенокъ растетъ на полной свободѣ: бродитъ по городскимъ улицамъ, толчется на пристани между бурлаками, на базарѣ межъ крестьянами. Отецъ только и могъ выучить сына кое-какъ читать да писать. По одиннадцатому году мальчикъ остался сиротою, а вся семья безъ кормильца — работника. Изъ всѣхъ силъ выбивается мать, чтобъ снискать семьѣ пропитанье, — работаетъ,

читаетъ по покойникамъ Псалтирь, ищетъ милости для сына (онъ старшій изъ дѣтей) у людей богатыхъ и чиновныхъ. А мальчикъ оказался на рѣдкость способнымъ, проявилась въ немъ и большая охота къ ученью. Послѣ отца только и осталось наслѣдства, что сундукъ съ разными книгами, и юный Крыловъ читалъ и пересчитывалъ ихъ съ жадностью; доставалъ онъ книги и у своихъ покровителей, гдѣ только было возможно. Въ семьѣ знатнаго чиновника Н. П. Львова Крылова приласкали, подучили, и даже французскому языку научили. Надо бы заняться ученьемъ серьезно, но семья бѣдствуетъ, мать изъ силъ выбилась, приходится думать не о наукѣ, а о хлѣбѣ насущномъ. По четырнадцатому году Крыловъ опредѣляется писцомъ — сначала въ уѣздномъ городѣ, потомъ въ Твери, а послѣ перебирается со всей семьей въ Петербургъ; здѣсь онъ получаетъ жалованья 25 рублей ассигнаціями въ годъ.

Много труда, много нужды, много горя видѣлъ Крыловъ въ своей жизни, пока не выбился на настоящую дорогу. Но нужда и всяческія невзгоды не заглушили въ немъ хорошихъ стремленій, не убили и природныхъ дарованій. Крылова смолоду не прельщало ни богатство, ни чины, не стремился онъ къ почестямъ и славѣ; дороже всего на свѣтѣ почиталъ онъ духовныя блага и съ жаромъ стремился къ приобрѣтенію знаній. Безъ посторонней помощи, самоучкой, старается онъ добыть себѣ хоть какое-нибудь образованіе, вникаетъ въ науки, внимательно и прилежно читаетъ русскія и французскія книги, изучаетъ русскихъ писателей и заграничныхъ. Для знакомства Крыловъ себѣ выбираетъ умныхъ и обра-

зованныхъ людей. Чтеніе, природная наблюдательность, горькій опытъ жизни очень рано заставили Крылова призадуматься надъ тѣмъ, что есть въ людяхъ хорошаго и дурного. Въ немъ рано пробудилась и охота поразсказать другимъ, что онъ вычиталъ изъ книгъ, что замѣтилъ кругомъ себя въ жизни. Еще на четырнадцатомъ году онъ сочинилъ комедію, въ которой осмѣивалъ и обличалъ невѣжество людское и грубость, защищалъ обиженныхъ и слабыхъ. Въ рѣдкія свободныя отъ службы и другихъ занятій минуты Крыловъ сочиняетъ стихи, пишетъ комедіи для театра. Живется ему плохо, но все же онъ рукъ не опускаетъ и борется съ препятствіями, сколько хватаетъ силы.

Только 37 лѣтъ Крыловъ вышелъ на свою настоящую дорогу. Въ 1805 году онъ написалъ первыя три басни, и онѣ заслужили всеобщее одобреніе. Года черезъ четыре напечатанъ былъ ужъ цѣлый сборникъ басенъ, такъ мастерски просто и умно, живо и интересно написанныхъ, что на Руси такихъ до этого никогда и не слышали. Нарасхватъ читаются басни; ученые и знатные люди ищутъ знакомства съ баснописцемъ, къ себѣ въ домъ его приглашаютъ. Россійская Академія Наукъ признаетъ, что „сочиненія Крылова служатъ истиннымъ обогащеніемъ и украшеніемъ словесности россійской“. Крылова опредѣлили бібліотекаремъ въ Публичную бібліотеку, дали ему казенную квартиру, въ которой онъ и прожилъ почти до самой своей смерти. Отъ Государя назначена Крылову пожизненная пенсія въ полторы тысячи рублей. Баснописца часто и во дворецъ къ цар-

скому столу приглашаютъ, и всѣ съ наслажденіемъ слушаютъ его мастерское чтеніе басенъ.

Тихо и мирно, въ довольствѣ и славѣ протекаетъ вторая половина жизни знаменитаго баснописца: должность бібліотекаря не хлопотлива, содержаніе достаточное, а Иванъ Андреевичъ не прихотливъ, любитъ больше всего покой, онъ всю жизнь свою холостякомъ прожилъ. Время отъ времени Крыловъ пишетъ новыя басни (всего онъ написалъ 200 басенъ), является въ кругу высшаго общества, живетъ въ тѣсной дружбѣ съ знаменитыми въ то время литераторами (Жуковский, Карамзинъ).

На долю Ивана Андреевича Крылова еще при жизни выпала рѣдкая честь: онъ первый изъ русскихъ писателей удостоился торжественнаго чествованія въ день пятидесятилѣтія его трудовъ литературныхъ, и Государь Николай Павловичъ приказалъ выбить въ честь Крылова медаль съ его портретомъ.

Скончался Иванъ Андреевичъ 76 лѣтъ и съ большими почестями былъ погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

И до настоящаго времени, черезъ 50 лѣтъ послѣ смерти Крылова, никто не превзошелъ знаменитаго баснописца въ сочиненіи басенъ. Басни Крылова живые, остроумные, занимательные рассказы; написаны онѣ простымъ народнымъ языкомъ и для всѣхъ одинаково понятны; все въ нихъ русское — люди и нравы, добродѣтели и пороки. Крыловъ горячо любилъ родину и передалъ эту любовь въ своихъ басняхъ. И ребенокъ, и взрослый находятъ въ басняхъ Крылова и удовольствіе, и доброе наставленіе,

всякъ учится по баснямъ и знать, и любить свою родину.

Всѣ знали и любили добродушнаго баснописца при его жизни. На улицахъ незнакомые Крылову встрѣчные почтительно раскланивались съ нимъ, а въ Лѣтнемъ саду, гдѣ онъ часто гулялъ, и гдѣ обыкновенно играютъ дѣти, матери и няни указывали на баснописца дѣтямъ, и всѣ звали его *Дѣдушкой*.

Ивану Андреевичу Крылову, и послѣ его смерти, возданы были рѣдкія почести. Императоръ Николай I приказалъ объявить повсемѣстно подписку на памятникъ Крылову. На собранныя со всей Россіи деньги поставили въ Лѣтнемъ саду памятникъ, на которомъ изображены всѣ дѣйствующія въ басняхъ лица. Добродушно смотреть съ памятника Дѣдушка Крыловъ на играющихъ вокругъ дѣтей и какъ будто поучаетъ всѣхъ быть честными и добрыми.

И теперь, въ день пятидесятилѣтія послѣ кончины Дѣдушки Крылова, по всей необъятной Россіи, всѣ помянули его добрымъ словомъ, славили его имя, и память о немъ *дубетъ* жить на Руси вѣчно.

The first part of the document is a letter from the Secretary of the Board of Education to the Board of Trustees of the University of Chicago. The letter discusses the proposed changes in the curriculum of the University of Chicago and the need for a more liberal arts education. The Secretary states that the Board of Education has been studying the curriculum of the University of Chicago and has found it to be too narrow and too specialized. He proposes that the University should offer a more liberal arts education, which would include a wider range of subjects and a greater emphasis on the humanities. The Secretary also discusses the need for a more flexible curriculum, which would allow students to tailor their education to their own interests and needs.

The second part of the document is a report from the Board of Trustees of the University of Chicago. The report discusses the progress of the University in the past year and the challenges it faces. The Board of Trustees reports that the University has made significant progress in the past year, particularly in the areas of research and teaching. However, the Board also notes that the University is facing a number of challenges, including a decline in enrollment and a need for more resources. The Board of Trustees proposes that the University should focus on improving its teaching and research, and that it should seek to attract more students and resources.

The third part of the document is a letter from the Board of Trustees of the University of Chicago to the Board of Education. The letter discusses the Board of Trustees' response to the Secretary's letter and the proposed changes in the curriculum. The Board of Trustees states that it has carefully considered the Secretary's proposals and has decided to implement some of the changes. However, the Board also notes that it has decided to maintain the University's current curriculum in many areas, particularly in the areas of science and engineering. The Board of Trustees also discusses the need for a more flexible curriculum, which would allow students to tailor their education to their own interests and needs.

Группировка басенъ Крылова по содержанию.

Въ собраніяхъ сочиненій того или другого автора почитается общепринятымъ располагать произведенія въ хронологическомъ порядкѣ появленія ихъ на свѣтъ. Едва ли нужно доказывать, что такой распорядокъ не пригоденъ въ сборникахъ мелкихъ стихотвореній, басенъ и т. п., особенно же, если изданіе предназначается для школъ и для народа. Можно ли рассчитывать, что малоопытный читатель въ состояніи слѣдить за развитіемъ таланта писателя, ставить то или другое его произведеніе въ связь съ временемъ, съ обстоятельствами жизни писателя и т. п.? Заурядный читатель даже и не замѣчаетъ хронологической даты, или же не придаетъ ей никакого значенія. Между тѣмъ какъ неудобства, проистекающія изъ такого размѣщенія произведеній, весьма значительны: одно впечатлѣніе быстро смѣняется другимъ, и мало-развитому читателю не представляется никакой возможности не только разобрать въ воспріятыхъ мысляхъ и образахъ, но даже и возстановить, припомнить ихъ, въ слѣдствіе чего чтеніе утрачиваетъ свое образовательное значеніе.

Мы полагаемъ, что въ сборникахъ, предназначаемыхъ для школъ и народа, единственной основой для группировки произведеній необходимо признать — идейное ихъ содержаніе, или — *главную мысль* каждаго. Отдѣльныя произведенія нужно распредѣлять такимъ образомъ, чтобы они имѣли между собою внутреннюю связь и, вмѣ-

стѣ взятыя, представляли бы развитіе одного общаго понятія, одной общей мысли, или нѣсколькихъ однородныхъ. Тогда въ головѣ малоразвитого читателя не получится пестраго калейдоскопа, ему легче будетъ связывать воспринятія мысли, понятія и впечатлѣнія, и самый порядокъ распредѣленія произведеній будетъ наталкивать его на производительную работу ума, который и будетъ постепенно обогащаться новымъ содержаніемъ. Особенно важно это въ школѣ, когда каждое произведеніе прочитывается и воспринимается подъ руководствомъ учителя: группы родственныхъ по содержанію произведеній дадутъ прекрасный матеріалъ для сопоставленій и сравненій, для выводовъ и обобщеній. Такое занятіе послужитъ лучшимъ средствомъ для развитія мыслительныхъ способностей читателя, а пріобрѣтенныя этимъ путемъ понятія и мысли прочно укрѣпятся въ его сознаніи.

Все сказанное вполнѣ приложимо и къ сборникамъ басенъ, тѣмъ болѣе, что басни легче всего сгруппировать по ихъ идейному содержанію, и мы предлагаемъ опытъ такой группировки избранныхъ басенъ Крылова*).

Общее содержаніе басенъ — разъясненіе понятій о *добрѣ и злѣ*, обличеніе людскихъ слабостей, недостатковъ, пороковъ. Люди очень часто не умѣютъ различать добро отъ зла. Въ погонѣ за личными удобствами, за личными удовольствіями, за личнымъ счастьемъ, человекъ нерѣдко избираетъ такія средства, которыя приносятъ вредъ и ему самому, и другому — ближнему, сосѣду, и цѣлой группѣ людей — обществу. Бичуя въ людяхъ зло, басня въ то же время разъясняетъ, въ чемъ

---

*) Въ сборникѣ В. Острогорскаго — „Родные поэты“ и въ книгѣ того же автора — „Русскіе писатели“ избранныя басни сгруппированы по типамъ животныхъ; здѣсь же даны образчики и группировки басенъ на основаніи идейнаго ихъ содержанія (басни о *трудѣ*).

истинное добро, общее для всѣхъ благо, а всѣ басни, взятая мѣстѣ, выясняютъ, болѣе или менѣе полно, кругъ понятій о добрѣ и злѣ — а) *по отношенію къ самому себѣ*, б) *по отношенію къ другому* — къ ближнему, къ сосѣду, и в) *по отношенію къ цѣлымъ группамъ людей* — къ обществу. На этомъ основаніи мы и группируемъ всѣ избранныя басни (онѣ будутъ поименованы ниже) въ три отдѣла: I. Добро и зло для себя самого; II. Добро и зло для другого; III. Добро и зло общественное.

Каждый изъ этихъ отдѣловъ распадается на малыя группы. — *Первый отдѣлъ* (Добро и зло для себя самого):

1. *Невниманіе къ своимъ недостаткамъ, желаніе свалить свою вину на другою*: это общее условіе, отъ существованія котораго зависитъ возможность или невозможность личнаго самосовершенствованія человѣка („*познай самого себя*“); это же (распознаваніе *своихъ* недостатковъ) должно послужить руководящимъ началомъ при чтеніи каждой басни. — Свое счастье люди чаще всего думаютъ найти въ обладаніи имуществомъ, богатствомъ; но и этого мизернаго и грубаго благополучія они лишаются, благодаря своей глупости: желаютъ обладать, но не умѣютъ сберечь; алчутъ захватить сверхъ мѣры, — и теряютъ все. Это и выясняетъ вторая группа басенъ перваго отдѣла:
2. *Глупая нерасчетливость и алчность*. — Думая лишь о себѣ, стараясь возвысить себя надъ всѣми, безъ всякаго на то права, глупецъ прибѣгаетъ къ хвастовству, къ похвалбѣ и — дѣйствительно, приобрѣтаетъ себѣ славу, — становится посмѣшищемъ другихъ (3. *Хвастовство, похвалба*). — Завидуя другому, желая обладать тѣмъ, чѣмъ владѣетъ другой, человѣкъ, не разсуждая, достижимо это для него или недостижимо, нужно или ненужно, — дускается на подражаніе и — становится смѣшнымъ или же наживаетъ себѣ, по глупости, бѣду (4. *Неразумная переимчивость*). — Корень всего зла въ глупости, въ невѣжествѣ: оно, невѣжество, вредитъ и самому человѣку, оно приноситъ зло и другимъ (5. *Не-*

въжество). — Человѣкъ не знаетъ, что истинное его благо приобрѣтается лишь упорнымъ трудомъ на свою — личную и общую пользу; но и трудиться нужно съ толкомъ и умѣючи (6. *Бездѣлье, трудъ полезный и бесполезный*).

Въ поискахъ за своимъ благополучіемъ, человѣкъ часто приноситъ зло и себѣ, и своему ближнему („*Добро и зло для другого*“). Сильный пользуется силой во зло слабому (1. *Взаимное отношеніе между сильнымъ и слабымъ*) и, лишая себя услугъ послѣдняго, возбуждаетъ въ немъ и чувство страха, и ненависть, и жажду мести. — Человѣкъ безъ другихъ прожить не можетъ, и благополучіе каждаго зависитъ отъ взаимнаго согласія, дружбы, готовности безкорыстно служить на пользу другаго (2. *Дружба, товарищество*). Но истинная дружба — рѣдкость между людьми, и этимъ именемъ часто прикрывается лишь своекорыстіе, что и приноситъ зло и одной, и другой сторонѣ.

Нравственныя отношенія человѣка къ человѣку должны служить основой отношеній — и отдѣльнаго человѣка къ общественнымъ группамъ, и общественныхъ группъ между собою (*Добро и зло общественное*). Но и здѣсь человѣкъ, во вредъ себѣ и другимъ, проявляетъ или нескрываемое себялюбіе, или лицемѣрную доброту, или же хоть и желаетъ сдѣлать добро, но не умѣетъ — по глупости (1. *Себялюбіе, лицемѣрная и глупая доброта*). Не уважаетъ человѣкъ и чужой собственности, — личной и общественной, — крадетъ, грабитъ и, нанося вредъ и разореніе другимъ, губить и самъ себя (2. *Воровство*). Для охраны и защиты интересовъ каждаго существуетъ общественная власть, общественный судъ; но начальникъ и судья пользуются нерѣдко своимъ положеніемъ ради корыстныхъ цѣлей (3. *Корыстный и пристрастный судъ*). Какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя общественныя группы, стараются возвышаться другъ надъ другомъ, признавая лишь свои заслуги, за-

ботясь лишь о своихъ интересахъ, забывая, что общее благо создается на посильномъ и разумномъ трудѣ каждаго на общую всѣмъ пользу (4. *Общественное значеніе разныхъ званій и состояній*).

Распредѣлимъ теперь по намѣченнымъ отдѣламъ и группамъ всѣ избранныя нами (по доступности и цѣнности содержанія) басни и объяснимъ кратко взаимную связь между ними.

I. *Добро и зло для себя самого*. 1. *Невниманіе къ своимъ недостаткамъ*. Свои недостатки мы замѣчаемъ въ себѣ очень рѣдко — и въ дѣйствительной жизни, и въ зеркалѣ жизни — въ книгѣ, въ сатирѣ, хотя эти же самыя слабости, а тѣмъ болѣе пороки, мы прекрасно видимъ въ другихъ, указываемъ на нихъ пальцемъ, смѣемся надъ ними, открыто порицаемъ ихъ (*Зеркало и обезьяна*). Невнимательно относясь къ себѣ, мы нерѣдко и въ окружающемъ не видимъ существеннаго и важнаго для насъ: замѣчаемъ (въ жизни и въ книгѣ) мелочи, а слона не примѣчаемъ (*Любопытный*). И зная свои слабости, открыто обнаруживая ихъ, мы часто хитримъ, стараемся оправдать себя (особенно при неудачѣ) и въ своихъ собственныхъ, и въ чужихъ глазахъ (*Лисица и виноградъ*). Не видя своихъ недостатковъ, не замѣчая зла, какое мы другимъ приносимъ, мы не хотимъ понять, почему другіе такъ дурно къ намъ относятся, и винимъ рѣшительно всѣхъ, — кромѣ самихъ себя. „Чѣмъ правомъ кто дурнѣй, тотъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей: не видитъ добрыхъ онъ, куда ни обернется, а первый самъ ни съ кѣмъ не уживется“ (*Волкъ и кукушка*). Въ приключившемся горѣ, несчастіи человѣкъ опять-таки ищетъ прежде всего причину бѣды не въ себѣ самомъ, а въ чемъ-либо внѣ насъ лежащемъ, — и если ужъ нѣтъ никакого повода свалить вину на сосѣда, то — либо Богъ посѣтилъ, либо бѣсъ попуталъ (*Два мужика*). — Невниманіе къ своимъ недостаткамъ губительно

для насъ же самихъ: недостатки наши влекутъ за собой непріятности и бѣды, отъ которыхъ и можно спастись только тогда, когда мы узнаемъ и устранимъ ихъ причины, т. е. эти самыя свои недостатки.

2. *Глупая нерасчетливость и алчность.* Свое благополучіе человѣкъ видитъ часто въ обладаніи имуществомъ, богатствомъ; но и въ этомъ теряетъ многое, лишается нерѣдко и всего, благодаря своей глупой нерасчетливости или же непростительной алчности. Жалѣя малаго, ничтожнаго, человѣкъ иногда теряетъ большое, существенное: „Щепотки волосковъ лиса не пожалѣй,—остался бѣ хвостъ у ней“ (*Лиса*). Бываютъ и такіе господа, „которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить, а думаютъ хозяйству подспорить, коль свѣчки сберегутъ огарокъ, и рады за него съ людьми поднять содомъ. Съ такою бережью диковинка-ль, что домъ скорешенько пойдетъ—вверхъ дномъ“ (*Мельникъ*). Но похвальная расчетливость и бережливость можетъ перейти въ скупость, въ скряжничество, въ ненасытную алчность. Поставивъ богатство цѣлью своей жизни, скупой не можетъ довольствоваться тѣмъ, что имѣетъ, а желаетъ все большаго и большаго и—теряетъ все: „Скупой теряетъ все, желая все достать“ (*Скупой и курица; Фортуна и нищій*). Когда богатство становится цѣлью жизни, человѣкъ дѣлается его рабомъ: нѣтъ границь и мѣры въ его желаніяхъ, нѣтъ радостей и счастья въ его жизни,—онъ самъ себѣ лиходѣй (*Бѣдный богаць*). —Благоразумная бережливость и расчетливость, умѣренный достатокъ для удовлетворенія своихъ нуждъ—вотъ что даетъ довольство человѣку и заслуживаетъ похвалы.

3. *Хвастовство, похвальба.* Человѣкъ склоненъ считать себя лучше—умнѣе и дѣльнѣе другихъ и старается нерѣдко возвысить себя во мнѣніи другихъ, за неимѣніемъ лучшаго,—самовосхваленіемъ. Самомнѣніе и хвастовство сами себѣ готовятъ наказаніе въ насмѣшкахъ

другихъ, а иногда создаютъ себѣ и гибель. Самолюбіе не позволяетъ видѣть ни достоинствъ другого, ни своихъ собственныхъ недостатковъ; самолюбіе и самохвалство ослѣпляютъ человѣка, дѣлаютъ его неосмотрительнымъ, неосторожнымъ и неминуемо влекутъ къ гибели. И никто такихъ людей не жалѣетъ въ ихъ бѣдѣ, какъ они и сами никого не щадили (*Обозъ, Чижъ и голубь*). Самолюбіе часто бываетъ слѣдствіемъ молодости и неопытности. Но случается, что ничтожные людишки нагло и безсовѣстно лгутъ о своихъ заслугахъ, тѣшатъ своимъ враньемъ сильныхъ, чтобъ получить отъ нихъ подачку; „надъ хвастунами всѣ смѣются, но — часто въ дѣлѣжъ и имъ доли достаются“ (*Заяцъ на ловѣ*): но не завидна эта доля, купленная цѣною униженія и общаго презрѣнія. — Лгутъ и хвастаютъ люди и изъ желанія показать другимъ свое къ нимъ пренебреженіе, возвысить себя надъ ними; но не имѣя никакихъ личныхъ достоинствъ, по глупости своей, они сами заслуженно становятся предметомъ злой и унижающей ихъ насмѣшки (*Лягушка*). Похваляются пустые и ничтожные люди, въ погонѣ за лавой, и есуществимыми дѣлами, несуществующими или ничтожными способностями и талантами, и становятся всеобщимъ посмѣшищемъ. „Синица похвалялась, что хочетъ море сжечь, — и чѣмъ же кончились затѣи величавы?... Надѣлала синица славы, а моря не зажгла“ (*Синица*). Не имѣя въ себѣ никакихъ достоинствъ, сами сознавая свое полное ничтожество, иные шумятъ, кричатъ, нагло нападаютъ на дѣйствительную силу, будучи поощряемы тѣмъ, что могутъ дѣлать это вполнѣ безнаказанно, благодаря своему ничточеству, и все лишь для того, чтобы другіе сказали: „ай, моська! знать, она сильна, что лагетъ на слона!“ (*Слонъ и моська*). Не слыша отъ другихъ похвалъ, ничтожность съ глупостью вступаютъ въ договоръ и восхваляютъ другъ друга (*Кукушка и птухъ*); но людей не обманешь: „хоть вы охрипните хваля другъ друга, все жъ ваша музыка пло-

ха“. Ничтожность ищетъ похвалъ, забывая, что лишняя хвала порождаетъ глупое самомнѣіе, смѣшное чванство и еще болѣе принижаетъ человѣка: прославившійся въ своемъ муравейникѣ муравей думалъ, что онъ во всей подсолнечной гремитъ...—Самомнѣіе и хвастовство сами выдаютъ свою ничтожность: „кто про себя кричитъ всѣмъ безъ умолку, — въ томъ, вѣрно, мало толку; — великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ, и думаетъ свою онъ крѣпку думу — безъ шуму“ (*Девъ бочки*).

4. *Неразумная переимчивость*. Желаніе быть и казаться не тѣмъ, что есть, и чѣмъ, по своимъ силамъ, можетъ быть, вызываетъ часто на подражаніе, которое нерѣдко кончается неудачей, а иногда и гибелью.— „У всякаго талантъ есть свой; но часто, на успѣхъ прельщаяся чужой, хватается за то иной, въ чемъ онъ совсѣмъ негоденъ; а мой совѣтъ такой: берись за то, къ чему ты сроденъ, коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшный былъ конецъ“ (*Скворецъ*). — „Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ: и дѣло не пойдетъ на ладъ, да и примѣчено стократно, что кто за ремесло чужое браться любитъ, тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй“ (*Щука и котъ*), онъ и дѣло губить, и самъ становится посмѣшищемъ свѣта.— Становится посмѣшищемъ свѣта и карликъ, который, забывъ свой ростъ, старается казаться великаномъ (*Ворона*); кончаетъ гибелью и всякій малый и безсильный, кто, не по средствамъ, затѣветъ тянуться въ мѣру большаго (*Лягушка и воъ*). — И вообще, — „безъ ума переимать — и Боже сохрани, какъ худо!“ (*Обезьяны*). Подражаніе только тогда и приводитъ къ хорошимъ результатамъ, когда оно предпринимается не изъ зависти только и пустого тщеславія, а ради самаго дѣла, и при томъ беспорно хорошаго, когда подражатель при этомъ благоразумно взвѣситъ предварительно свои наличныя средства, необходимыя для осуществленія предпринятаго.

5. *Невъжество*. Во всякомъ дѣлѣ, всегда и вездѣ гу-

бительна умственная темнота, опасно невѣжество. Невѣжда, берущійся за дѣло, для исполненія котораго у него нѣтъ ни природныхъ способностей, ни знаній, ни умѣнья (*Квартетъ*), невѣжда, съ глупою самоувѣренностью принимающій на себя роль судьи въ дѣлѣ, котораго онъ вовсе не разумѣетъ (*Оселъ и соловей*), — эти невѣжды только смѣшны. Гораздо хуже тотъ грубый и чувственный невѣжда, который свою темноту ставитъ себѣ какъ бы въ достоинство, называя глупцами всѣхъ, кто знаетъ цѣну не однимъ матеріальнымъ благамъ (*Питухъ и жемчужное зерно*); — но и это безобидный невѣжда, — его невѣжество вредитъ лишь ему самому. Гораздо опаснѣе тотъ невѣжда, который, не зная цѣны полезной вещи, толкъ свой про нее все къ худу клонитъ, а если у него есть сила, то онъ ее гонитъ и истребляетъ (*Мартышка и очки*). Часто при этомъ бываетъ, что грубое невѣжество идетъ рука объ руку съ гнусной неблагодарностью: „невѣжда въ ослѣвленіи бранитъ (и силится искоренить) науки и ученье, и всѣ ученые труды, не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды“ (*Свинья подъ дубомъ*).

6. *Бездѣлье, трудъ полезный и бесполезный.* Каждый по мѣрѣ силъ своихъ, долженъ трудиться для себя и для другихъ: „кто не хочетъ дѣлать, тотъ пусть не ѣстъ“. Праздный человѣкъ — тунеядецъ, не сознающій позора своего безнравственнаго существованія (*Муха и пчела*). Праздность и унижаетъ, и развращаетъ; только полезный трудъ заслуживаетъ общей похвалы, потому что онъ и облагораживаетъ человѣка, и развиваетъ его природныя способности, и доставляетъ истинное счастье. — Но и за трудъ надо приниматься съ разумніемъ: цѣнится въ глазахъ людей только полезный трудъ. „Какъ хочешь ты трудись, но приобрѣсть не лѣстись ни благодарности, ни славы, коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы“ (*Обезьяна*). Единственную цѣлю труда и должна служить польза — себѣ и людямъ. Трудъ ради

одной пустой потѣхи и забавы другихъ вызываетъ лишь минутное удивленіе праздной толпы и не заслуживаетъ серьезнаго уваженія, какъ и всякій безрезультатный трудъ (*Былка въ колесѣ*), какъ и всякое пустое, бесполезное искусство. — „По мнѣ, таланты тѣ негодны, въ которыхъ свѣту пользы нѣтъ, хотъ иногда имъ и дивится свѣтъ“ (*Паукъ и пчела*). Но, избравъ для себя и полезный трудъ, надо запастись, для успѣха дѣла, умѣньемъ и терпѣньемъ (*Трудолюбивый медвѣдь*). Правда, и полезный, и усердный трудъ частенько въ жизни не находитъ справедливой оцѣнки, и не только не награждается по достоинству, но еще и обрекается на разныя невзгоды, — и наоборотъ — счастье многіе находятъ лишь тѣмъ, „что на заднихъ лапкахъ ходятъ“ (*Дѣвѣ собаки*). Но такому унижающему достоинство человѣка счастью не позавидуетъ честный и благородный человѣкъ: какъ бы ни былъ скуденъ добытый честнымъ трудомъ хлѣбъ, все жъ онъ неизмѣримо лучше сладкаго пирога, получаемого даромъ, за чужой счетъ, или же добываемого цѣною униженія. — Да и въ большинствѣ случаевъ, при нормальныхъ условіяхъ жизни, трудъ приноситъ за собой матеріальное довольство, обезпеченность (*Стрекоза и муравей*). Не слѣдуетъ только сытому отъ своихъ трудовъ человѣку быть черствымъ и безсердечнымъ эгоистомъ (какъ *Муравей*), даже и по отношенію къ легкомысленному празднoлюбцу (какъ *Стрекоза*): надо пожалѣть страданіе и горе, отъ чего бы они ни произошли; надо помочь нуждающемуся, — иного это научить и исправить. — Достоинъ похвалы честный трудъ ради очевидной для себя пользы; еще выше, еще благороднѣе трудъ, посвященный исключительно пользѣ другихъ — нынѣ живущихъ и будущихъ поколѣній (*Старикъ и трое молодыхъ*), и стыдно тѣмъ легкомысленнымъ и несмышленнымъ юношамъ, которые не понимаютъ высокаго и благороднаго значенія безкорыстнаго труда. — Настойчивый общепользный трудъ несетъ за собой не

одно матеріальное воздаянъе: онъ развиваетъ природныя способности человѣка, онъ возвышаетъ его нравственно, приносить почетъ, извѣстность, увековѣчиваетъ его имя; праздность же убиваетъ и то, что дано человѣку отъ Бога: „такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ, когда имъ овладѣетъ лѣнь“ (*Прудъ и рыбка*). Не нужно при этомъ забывать, что похвала, извѣстность, слава ни въ какомъ случаѣ не должны составлять главной цѣли труда (трудъ тогда можетъ избрать и кривую дорогу): „счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой... но сколь и тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытый, за все труды, за весь потерянный покой, ни славою, ни почестями не льстится, и мыслью оживленъ одной, что къ пользѣ общей онъ трудится“ (*Орелъ и пчела*). — Сознаніе общепользности труда и должно служить лучшею наградою для каждаго работника.

Свѣтъ знаній, честный общепользный трудъ — вотъ что и открываетъ глаза человѣку и на самого себя и на другихъ, и приносить умѣренное довольство, и составляетъ почетъ и славу, — въ этомъ и заключается истинное личное счастье всякаго человѣка.

II. *Добро и зло для другого*. 1. *Взаимное отношеніе между сильнымъ и слабымъ*. Много зла и горя причиняетъ самъ себѣ человѣкъ; много зла и горя причиняетъ онъ, намѣренно и безъ намѣренія, и своему ближнему, и самъ же отъ этого терпитъ горе: причиненное другомъ зло само собою несетъ наказаніе дѣлателью его.

Много терпитъ слабый отъ сильнаго, и нерѣдко только потому, что, по своей глупости и трусости, преувеличиваетъ въ своемъ воображеніи силу и значеніе сильнаго: „сильнѣе кошки звѣря нѣтъ“, отъ ея когтей — „и льву не быть живому“ — думаетъ крыса (*Мышь и крыса*). — Случается, что и страхъ-то бываетъ напрасный, что пугало создано собственнымъ воображеніемъ: „иного мы боимся, поколь къ нему не приглядимся“ (*Левъ и лисица*). Но во всякомъ случаѣ, слабому съ сильнымъ

лучше быть поосторожнѣе, за смѣлость можно жестоко поплатиться (*Левъ и волкъ*): сильный часто не знаетъ справедливости и наказываетъ не по винѣ жестоко. Не признаетъ онъ и правъ другого, знать не хочетъ никакихъ договоровъ, — одно право для него — его сила (*Левъ на ловль*). — „У сильного всегда бессильный виновать“, когда нужно покорытоваться на счетъ послѣдняго. Но сильный все же сознаетъ въ глубинѣ души свою неправоту и старается, хотя бы только для виду, дать дѣлу законный видъ и толкъ (*Волкъ и яненокъ*). Плохо слабому во всякое время, онъ же больше всѣхъ терпитъ и въ минуты общественныхъ бѣдствій. Въ общей бѣдѣ, когда нужна искупительная жертва, виноватыми и отвѣтственными являются не тѣ, чья жизнь переполнена безбожныхъ самыхъ дѣлъ, а смиренный и безотвѣтный, хотя грѣхи послѣдняго и ничтожны, и оправдываются обстоятельствами (*Моръ зверей*). Но отливаются и кошкѣ мышинныя слезки, и насильникъ часто платится и за свое высокомеріе, и за всѣ свои дѣла. Въ опасности и въ бѣдѣ, какая можетъ приключиться и сильному, и маленькій человекъ могъ бы быть полезнымъ своими знаніями и умѣньемъ; но высокомеріе и кичливость сами себя лишаютъ услугъ послѣдняго (*Орелъ и кротъ, Левъ и мышь*). Зло порождаетъ зло: при случаѣ и слабый жестоко мститъ сильному. „Бессильному не смѣйся, и слабого обидѣть не мочи: мстятъ сильно иногда бессильные враги, — такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся“ (*Левъ и комаръ*). — Но вѣдь и сила не вѣчна, и ея можно лишиться, и вотъ тогда-то насильникъ получаетъ возмездіе (*Левъ состарѣвшійся*), и самыми обидными мстителями являются тѣ людишки, которые въ свое время не смѣли и взгляда поднять на упавшаго теперь съ высоты. — Такимъ образомъ, не только справедливѣе и нравственнѣе, но даже и выгоднѣе для себя, всю силу свою, какая есть, направлять безъ остатка не на зло, а на добро другимъ: всѣмъ тогда будетъ лучше. (*Василекъ*).

2. *Дружба, товарищество.* Лучше людямъ жить въ согласіи и дружбѣ, — въ этомъ ихъ взаимная польза. Но друзей надо выбирать съ разборомъ: съ злымъ не дружись, отъ него жди бѣды и себѣ, и своимъ близкимъ; лучше отказаться отъ такой дружбы, какъ бы много выгодъ она ни сулила (*Крестянинъ и змья*). Быть другомъ на словахъ легко. Иной въ нуждѣ тебя и пожалѣетъ, и обласкаетъ, охотно предложитъ какъ-будто и помощь, но — „охотно мы даримъ, что намъ не надобно самимъ“ (*Волкъ и лисица*). „На свѣтѣ такъ ведется: коль въ нужду попадешься, отвѣдай сунуться къ друзьямъ: начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ, и впрямь, а чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься, то лучший другъ — и нѣтъ, и глухъ“ (*Крестянинъ въ бѣдѣ*). Чаще всего, каждый думаетъ только о себѣ, бережетъ свое для себя, и всѣмъ, что случай представитъ взять, желаетъ владѣть безраздѣльно. Живутъ такіе друзья душа въ душу, пока дѣлится имъ нечего, „а только кинь имъ кость, такъ что твои собаки“ (*Собачья дружба*). — Такая дружба хоть и не приноситъ добра, но и не дѣлаетъ еще большаго зла; гораздо опаснѣе, когда „корысть себя личной дружбы кроетъ“. Корыстный расчетъ побуждаетъ низкихъ людей напрашиваться на дружбу, льстить, унижаться; а какъ только получено отъ тебя желаемое, и ты больше не нуженъ, то друга и въ поминѣ нѣтъ, а то и онъ же надъ простотою твоею посмѣется, тебя жъ предъ свѣтомъ оклеветаетъ (*Ворона и лисица, Хмель*). Мало того, своекорыстный другъ предастъ тебя, погубить, когда въ томъ видитъ пользу для себя (*Рожа и огонь; Левъ, серна и лиса; Мальчикъ и червякъ*). И зло взаимное рождаетъ и плодитъ такая дружба: презрѣніемъ предатели клеймятся, „и первый завсегда къ бѣдѣ такой предатель близокъ“ (*Мальчикъ и червякъ*). — Настоящая дружба всегда готова на услугу, но и услуга требуетъ ума: усердіе и радушіе не по разуму — та же бѣда (*Демьянова уха*); бываетъ, что услужливый дуракъ

опаснѣ врага (*Пустынникъ и медвѣдь*).—Добрый человекъ, а тѣмъ болѣе настоящій товарищъ и другъ, какъ бы это для него самого трудно ни было (*Волкъ и журавль*), выручить изъ бѣды, хотя бы и съ опасностью для своей жизни (*Крестьянинъ и работникъ*), и даже жизнь свою отдасть, спасая друга (*Собака, человекъ, кошка и соколъ*). „Къ стыду людей, какъ рѣдки таковы друзья!“ „И то сказать, какъ часто видѣлъ я, что тотъ, кто изъ бѣды былъ другомъ вырученъ, избавленъ, его же покидалъ въ нуждѣ, его же и ругалъ вездѣ!“

На своекорыстїи и расчетѣ дружба основаться не можетъ: своекорыстный другъ одинъ только разъ обманетъ и измѣнитъ, а тамъ ему и вѣры больше нѣтъ, тогда и дружбѣ конецъ—ко взаимной невыгодѣ обѣихъ сторонѣ. На взаимности чувства и услугъ основывается дружба; на согласїи, единоклюшїи и уступчивости создается на пользу всѣхъ общее дѣло. „Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,—на ладъ ихъ дѣло не пойдетъ, и выйдетъ изъ него не дѣло,—только мука“ (*Лебедь, щука и ракъ*). И общая бѣда не страшна, когда ее всѣ дружно встрѣтятъ; а если и тутъ—„всякъ споры затѣваетъ о выгодѣ своей, нерѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ“ (*Раздѣлъ*).

III. *Добро и зло общественное.* 1. *Себялюбїе, лицемерная и глухая доброта.*—Каждому получше хочется жить, и всякъ добра себѣ ищетъ; но нельзя ни желать, ни дѣлать того, что для меня одного хорошо, а для всѣхъ другихъ вредно: если всѣ и каждый такъ будутъ поступать, тогда всѣмъ будетъ худо, и люди погубятъ другъ друга. Но—„на свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ, которымъ все, кромѣ себя, постыло, и кои думаютъ: лишь мнѣ бы ладно было, а тамъ весь свѣтъ гори огнемъ“ (*Лягушка и Юпитеръ*). Естественно заботиться о себѣ, но слѣдуетъ думать и о другихъ, и не только желать, но и дѣлать добро всѣмъ, особенно же обездоленнымъ и беспомощнымъ. Иные принимаютъ

на себя только личину доброты, они добры лишь на словахъ, на дѣлѣ же холодные и злые себялюбцы. „Кто добръ по истинѣ,—въ молчаньи тотъ добро творить; а кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжить, тотъ часто только добръ на счетъ другого, затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого“ (*Добрая лисица*). И добро надо дѣлать умѣючи: хороша милостыня во время скудости; бесполезно и безтолково расточать свои благодѣянія тамъ, гдѣ въ нихъ вовсе не нуждаются (*Туча*).

2. *Воровство*. Дурные и злые люди не только не дѣлятся своимъ съ другими, но тайно и открыто берутъ себѣ чужое,—крадутъ. Чтобъ скрыть свою вину и спастись отъ наказанья, воръ часто лжетъ, винить нагло другого (*Пастухъ*). Но сколько бѣ воръ ни воровалъ, онъ рано или поздно попадетъ, и не избѣжать ему позора и расправы: нигдѣ онъ не найдетъ защиты, раскаянью его и добрымъ обѣщаньямъ не повѣрятъ, и воръ достойное получить наказанье (*Котъ и поваръ; Собака; Волкъ и котъ; Волкъ на псарнѣ; Волкъ и пастухи*).

3. *Неправый судъ*. Но вотъ бѣда, когда на вора нельзя найти управы: „на младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ, гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ“ (*Крестьяне и рѣка*). „Безсовѣстные плуты всегда найдутъ себѣ уловку, чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, сноровку“ (*Щука, Мирская сходка, Волки и овцы, Слонъ на воеводство*).

4. *Общественное значеніе различныхъ званій*. Всякъ хорошъ на своемъ мѣстѣ и заслуживаетъ уваженія тотъ, кто исполняетъ свое дѣло, и другъ безъ друга мы обойтись не можемъ. Трудъ лошади собака унижала и сама хвалилась и удалствомъ своимъ, и трудностію службы. „Конечно, лошадь отвѣчала, твоя правдива рѣчь; однако же, когда бѣ я не пахала, то нечего бѣ тебѣ здѣсь было и стеречь“ (*Собака и лошадь, Овцы и собаки*). „Листы на деревѣ хвалились густотой и свѣжестью

своей“ и утверждали, „что только ими дерево такъ пышно и кудряво, раскидисто и величаво“, — на что имъ корни дерева замѣтили смиренно: „съ новою весной листъ новый народится, а если корень изсушится, — не станетъ дерева, ни васъ“ (*Листы и корни*). „Держава всякая сильна, когда устроены въ ней всѣ премудро части: оружіемъ врагамъ она грозна, а паруса — гражданскія въ ней власти“ (*Пушки и паруса*).

Не званіе и не состояніе возвышаютъ челоѣка, какъ бы онъ богатъ и силенъ ни былъ, а только честный трудъ на общую всѣмъ пользу. „Почтененъ тотъ, кто съ пользою отечеству трудится; а кто полезнымъ быть способности лишенъ, тотъ презрѣнъ ото всѣхъ, и всякому досадна его праздность“ (*Гуси, Водопадъ и ручей, Орелъ и пчела, Пчела и мухи*).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ДОБРО И ЗЛО ДЛЯ СЕБЯ САМОГО.

I. Невниманіе къ своимъ недостаткамъ.

1. Зеркало и обезьяна.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя толкъ ногой;
«Смотри-ка,» говоритъ, «кумъ милый мой!
Что это тамъ за рожа?
Какіе у нея ужимки и прыжки!
Я удавилась бы съ тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А, вѣдь, признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть:
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть.»
— «Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»
Ей Мишка отвѣчалъ;
Но мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.

Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любить узнавать никто себя въ сатирѣ *).

---

*) *Сатира* — произведеніе, въ которомъ осмѣиваются людскіе недостатки и пороки.

Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ на руку не чистъ, всё это знаютъ;
Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

2. Любопытный.

«Пріятель дорогой, здорово! гдѣ ты былъ?»
— «Въ кунтскамерѣ, *) мой другъ! Часа тамъ три ходилъ
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станеть ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.

Ужъ подлинно, что тамъ чудесь палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ коралль!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!»
— «А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ!
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?»
— «Да развѣ тамъ онъ?» — «Тамъ.» — «Ну, братецъ, ви-
новать:

Слона-то я и не примѣтилъ.»

3. Лисица и виноградъ.

Голодная кума-лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты, горять;
Лишь то бѣда,—висячь онъ высоко:

---

*) *Кунтскамера*—музей, хранилище разныхъ диковинокъ и достопримѣчательныхъ предметовъ.

Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ.

Пробившись попусту часъ цѣлый,
Пошла и говорить съ досадой: «ну, что жъ?
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зелень,—ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набѣшь.»

4. Волкъ и кукушка.

«Прощай, сосѣдка!» волкъ кукушкѣ говорилъ:
«Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ!
Все тѣ жъ у васъ и люди, и собаки:
Одинъ другого злѣй; и хоть ты ангелъ будь,
Такъ не минуешь съ ними драки.»
— «А далеко ль сосѣду путь?
И гдѣ такой народъ благочестивый,
Съ которымъ думаешь ты жить въ ладу?»
— «О, я прямехонько иду
Въ лѣса Аркадіи стастливой. *)
Сосѣдка, то-то сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что война;
Какъ агнцы, кротки человѣки,
И молокомъ текутъ тамъ рѣки;
Ну, словомъ, царствуютъ златыя времена!
Какъ братья, всѣ другъ съ другомъ поступаютъ,
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,
Не только не кусаютъ.
Скажи жъ сама, голубка, мнѣ,
Не мило ль, даже и во снѣ,
Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?
Прости! не поминай насъ лихомъ!

---

*) Аркадія—сказочная страна, гдѣ, будто бы, всѣ живутъ въ полномъ счастіи.

Ужъ то-то тамъ мы заживемъ
Въ ладу, въ довольствѣ, въ нѣгѣ!
Не такъ, какъ здѣсь: ходи съ оглядкой днемъ,
И не засни спокойно на ночлегѣ.»
— «Счастливый путь, сосѣдъ мой дорогой!»
Кукушка говоритъ: «а свой ты нравъ и зубы
Здѣсь кинешь, иль возьмешь съ собой?»
— «Ужъ кинуть, вздоръ какой!»
— «Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы.»

Чѣмъ правомъ кто дурнѣй,
Тѣмъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей:
Не видитъ добрыхъ онъ, куда ни обернется,
А первый самъ ни съ кѣмъ не уживется.

5. Два мужика.

«Здорово, кумъ Ѡаддей!» — «Здорово, кумъ Егоръ!»
— «Ну, каково, пріятель, поживаешь?»
— «Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ дотла свой дворъ,
И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ.»
— «Какъ такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»
— «Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;
Я со свѣчой пошелъ дать корму лошадямъ;
Признаться, въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну, ты какъ?» — «Охъ, Ѡаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь, — я безъ ногъ;
Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.
Я, тожъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И тоже черезъ-чуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугару;
А чтобъ въ хмелю не сдѣлать мнѣ пожару,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ;

Анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толенуль,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ нечеловѣка.»

И вотъ я съ той поры калѣка.»

— «Пеняйте на себя, друзья!»

Сказалъ имъ свать Степанъ: «коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,

Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:

Для пьянаго и со свѣчою худо,

Да врядъ не хуже ль и впотьмахъ.»

III. Глухая нерасчетливость и алчность.

6. Лиса.

Зимой, ранехонько, блвзъ жила *)

Лиса у проруби пила въ большой морозъ.

Межь тѣмъ, оплошностьли, судьба ль (не въ этомъ сила),

Но кончикъ хвостика лисица замочила,

И ко льду онъ примерзъ.

Бѣда не велика, легко бѣ ее поправить:

Рвануться только посильнѣй,

И волосковъ хотя десятка два оставить,

Но до людей

Домой убраться поскорѣй.

Да какъ испортить хвостъ? А хвостъ такой пушистый,

Раскидистый и золотистый!

Нѣтъ, лучше подождать: вѣдь спитъ еще народъ;

А между тѣмъ, авось, и оттепель придетъ,

Такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ.

Вотъ ждетъ-пождетъ, а хвостъ лишь болѣ примерзаетъ,

Глядитъ, — и день свѣтаетъ,

Народъ шевелится, и слышны голоса.

Тутъ бѣдная моя лиса

Туда-сюда метаться;

*) Жило—селеніе, деревня.

Но ужь оть проруби не можетъ оторваться.
По счастью, волкъ бѣжитъ. «Другъ милый! кумъ! отецъ!»
Кричитъ лиса: «спаси! Пришелъ совсѣмъ конецъ!»

Вотъ кумъ остановился,

И въ спасенье лисы вступился.

Приемъ его былъ очень простъ:

Онъ начисто отгрызъ ей хвостъ.

Тутъ безъ хвоста домой моя пустилась дура,
Ужъ рада, что на ней цѣла осталась шкура.

Мнѣ кажется, что смыслъ не темень басни сей:

Щепотки волосковъ лиса не пожалѣй,—

Остался бѣ хвостъ у ней.

7. Мельникъ.

У мельника вода плотину прососала;

Бѣда бѣ не велика сначала,

Когда бы руки приложить;

Но кстатѣ ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить;

А течь день-ото-дня сильнѣе становится:

Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.

«Эй мельникъ, не зѣвай! Пора,

Пора тебѣ за умъ хватиться!»

А мельникъ говоритъ: «далеко до бѣды;

Не море надо мнѣ воды,

И ея мельница по весь мой вѣкъ богата.»

Онъ спитъ, а между тѣмъ

Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата.

И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:

Сталъ жерновъ, мельница не служить.

Хватился мельникъ мой: и охаетъ, и тужитъ,

И думаетъ, какъ воду уберечь.

Вотъ, у плотины онъ, осматривая течь,

Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.

«Негодны!» кричитъ: «хохлатки, дуры!

Я и безъ васъ воды не знаю, гдѣ достать;
А вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать.»
И въ нихъ полною хватъ!
Какое жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

Видаль я иногда,
Что есть такіе господа
(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),
Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить,
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомъ.
Съ такою бережью диковинка ль, что домъ
Скорешенько пойдетъ верхъ дномъ!

8. Скупой и курица.

Скупой теряетъ все, желая все достать.
Чтобъ долго мнѣ примѣровъ не искать,
Хоть есть и много ихъ, я въ томъ увѣренъ;
Да рыться лѣнь: такъ я намѣренъ
Вамъ басню старую сказать.
Вотъ что въ ребячествѣ читалъ я про скупого.
Былъ человекъ, который никакого
Не зналъ ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнѣли очевидно.
Онъ курицу имѣлъ (какъ это не завидно!)
Котора яйца несла,
Но непростыя,
А золотыя.
Иной бы и тому былъ радъ,
Что понемногу онъ становится богатъ;
Но этого скупому мало:
Ему на мысли вспало,
Что, взрѣзавъ курицу, онъ въ ней достанетъ кладъ.

Итакъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье,
Неблагодарности не побоясь грѣха,
Ее зарѣзалъ онъ. И что же? Въ воздаянье
Онъ вынулъ изъ нея простые потроха.

9. Фортуна и нищій *).

Съ истертою и ветхою сумой
Бѣдняжка-нищенкѣй подъ оконьемъ таскался,
И, жалуясь на жребій свой,
Нерѣдко удивлялся,
Что люди, живучи въ богатыхъ теремахъ,
По горло въ золотѣ, въ довольствѣ и сластяхъ,
Какъ ихъ карманы ни набиты,
Еще не сыты!
И даже до того,
Что, безъ пути алкая
И новаго богатства добывая,
Лишаются нерѣдко своего
Всего.

Вонъ, бывший, напимѣрь, того хозяинъ дому
Пошелъ счастливо торговать;
Расторговался въ пухъ. Тутъ, чѣмъ бы перестать,
И достальной свой вѣкъ спокойно доживать,
А промыселъ оставить свой другому,—
Онъ въ море корабли отправилъ по веснѣ;
Ждалъ горы золота; но корабли разбило:
Сокровища его всѣ море поглотило;
Теперь они на днѣ,
И видѣлъ онъ себя богатымъ, какъ во снѣ
Другой, тотъ въ откупа пустился,
И нажилъ-было миллионъ,
Да мало: захотѣлъ его удвоить онъ,

---

*) *Фортуна*—сказочная добрая богиня (волшебница), приносящая, будто бы, людямъ счастье.

Забрался по уши, и вовсе разорился.
Короче, тысячи такихъ примѣровъ есть;

И по дѣломъ: знай честь!

Тутъ нищему Фортуна вдругъ предстала

И говорить ему:

«Послушай, я помочь давно тебѣ желала;

Червонцевъ кучу я сыскала:

Подставь свою суму;

Ее насыплю я, да только съ уговоромъ:

Все будетъ золото, въ суму что попадетъ;

Но если изъ сумы что на полъ упадетъ,

То сдѣлается соромъ.

Смотри жъ, я напередъ тебя остерегла:

Мнѣ велѣно хранить условье наше строго;

Сума твоя ветха, не забирайся много,

Чтобъ вынести она могла.»

Едва отъ радости мой нищій дышитъ.

И подъ собой земли не слышитъ.

Расправилъ свой кошель, и щедрою рукою

Тутъ полился въ него червонцевъ дождь златой.

Сума становится ужъ тяжеленька.

«Довольно ль?» — «Нѣтъ еще.» — «Не треснула бь?» —

«Не бойсь.»

— «Смотри, ты Крезомъ сталь.» — «Еще, еще маленько:

Хоть горсточку прибрось.»

— «Эй, полно! посмотри: сума ползетъ ужъ врозь.»

— «Еще щепоточку.» Но тутъ кошель прорвался,

Разсыпалась казна и обратилась въ прахъ;

Фортуна скрылася: одна сума въ глазахъ,

И нищій нищенъкимъ попрежнему остался.

10. Вѣднѣй богачъ.

«Ну, стоитъ ли богатымъ быть,

Чтобъ вкучно никогда ни съѣсть, ни спать,

И только деньги лишь копить?»

Да и на что? Умремъ, вѣдь, все равно!
Мы только лишь себя и мучимъ, и безславимъ.
Нѣтъ, если бъ мнѣ далось богатство на удѣлъ,
Не только бы рубля, я тысячъ не жалѣлъ,

Чтобъ жить роскошно, пышно,
И о моихъ пирахъ далеко бъ было слышно;

Я даже дѣлалъ бы добро другимъ;
А богачей скупыхъ на муку жизнь похожа.»

Такъ разсуждалъ бѣднякъ съ собой самимъ,
Въ лачужкѣ неизменной, на голой лавкѣ лежа;
Какъ вдругъ къ нему сквозь щелочку пролѣзъ,
Кто говорить — колдунъ, кто говорить, что бѣсъ;
Послѣднее едва ли не вѣрнѣе:

Изъ дѣла будетъ то виднѣе.
Предсталъ и началъ такъ: «ты хочешь быть богатъ,
Я слышалъ для чего; служить я другу радъ.
Вотъ кошелекъ тебѣ: червонецъ въ немъ, не болѣ;
Но вынешь лишь одинъ, ужъ тамъ готовъ другой.

Итакъ, пріятель мой,
Разбогатѣть теперь въ твоей лишь волѣ.
Возьми жъ, и изъ него безъ счету вынимай,
Доколѣ будешь ты доволенъ;

Но только знай:
Истратить одного червонца ты не воленъ,
Пока въ рѣку не бросишь кошелька.»
Сказалъ — и съ кошелькомъ оставилъ бѣдняка.
Бѣднякъ отъ радости едва не помѣшался;
Но лишь опомнился, за кошелекъ принялся.
И что жъ? — Чуть вѣрится ему, что то не сонъ:

Едва червонецъ вынетъ онъ,
Ужъ въ кошелекѣ другой червонецъ шевелится.
«Ахъ, пусть лишь до утра мнѣ счастье продлится!»

Бѣднякъ мой говоритъ:
«Червонцевъ я себѣ повытаскаю груду;
Такъ завтра же богатъ я буду,
И заживу, какъ сибарить.»

Однакожь поутру онъ думаетъ другое.

«То правда,» говорить: «теперь я сталъ богатъ;

Да кто жь добру не радъ!

И почему бы мнѣ не быть богаче вдвое?

Неужто лѣнь

Надъ кошелькомъ еще провести хоть день!

Вотъ на домъ у меня, на экипажъ, на дачу;

Но если накупить могу я деревень,

Не глупо ли, когда случай къ тому утрачу?

Такъ удержу чудесный кошелекъ:

Ужъ такъ и быть, еще я поговѣю

Одинъ денекъ;

А, впрочемъ, вѣдь пожить всегда успѣю.»

Но что жь? проходитъ день, недѣля, мѣсяцъ, годъ, —

Бѣднякъ мой потерялъ давно въ червонцахъ счетъ;

Межъ тѣмъ онъ скудно ѣсть и скудно пьетъ;

Но чуть лишь день, а онъ опять за ту жь работу.

День кончится, и, по его расчету,

Ему всегда чего-нибудь не достаетъ.

Лишь кошелекъ нести сберется,

То сердце у него сожмется,

Придетъ къ рѣкѣ, —воротится опять.

«Какъ можно,» говорить, «отъ кошелька отстать,

Когда мнѣ золото рѣкою само льется?»

И, наконецъ, бѣднякъ мой посѣдѣлъ,

Бѣднякъ мой похудѣлъ;

Какъ золото его, бѣднякъ мой пожелтѣлъ;

Ужъ и о пышности онъ болѣ не смекаетъ:

Онъ сталъ и слабъ, и хилъ; здоровье и покой,

Утратилъ все; но все дрожащею рукой

Изъ кошелька червонцы вонъ таскаетъ.

Таскалъ, таскалъ... и чѣмъ же кончилъ онъ?

На лавкѣ, гдѣ своимъ богатствомъ любовался,

На той же лавкѣ, онъ скончался,

Досчитывая свой девятый миллионъ.

III. Хвастовство, похвальба.

11. Обозъ.

Съ горшками шель обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ лругихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
«Ай конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣнится, какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень. Косо! криво!
Смѣлѣ! Вотъ толчокъ опять!
А тутъ бы влѣво лишь привяты.
Какой осель! Добро бы было въ гору
Или въ ночную пору;
А то и подъ гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы таскаль, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Гляди-тко насъ, какъ мы махнемъ!
Не бойсь, минуты не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!»
Тутъ, выгнувши хребеть и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилася,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ;
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рывинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй,—и съ возомъ бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же;
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

12. Чижъ и голубь.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня.

Бѣдняжка въ ней и рвался, и метался;
А голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.
«Не стыдно ль,» говоритъ: средь бѣла дня
Попался!

Не провели бы такъ меня:

За это я ручаюсь смѣло.»

Анъ смотришь: тутъ же самъ запутался въ силокъ!

И дѣло:

Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ!

13. Заяцъ на ловлѣ.

Большой собравшись гурьбой,

Медвѣдя звѣри изловили;

На чистомъ полѣ задавили,

И дѣлять межъ собой,

Кто что себѣ достанетъ;

А заяцъ за ушко медвѣжье тутъ же тянетъ.

«Ба, ты, косой!»

Кричатъ ему: «пожаловаль отколѣ?

Тебя никто на ловлѣ не видалъ.»

— «Вотъ, братцы!» заяцъ отвѣчалъ:

«Да изъ лѣсу-то ктожь?— всё я его пугалъ,

И къ вамъ поставилъ прямо въ поле

Сердечнаго дружка!»

Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно,

Но показалось такъ забавно,
Что зайцу данъ клочекъ медвѣжьяго уха.

Надъ хвастунами хотъ смѣются,
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

14. Лжець.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть, и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгаль.

«Нѣтъ,» говорить: «что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.

Что здѣсь у васъ за край?

То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.

Вотъ тамъ-то прямо рай!

И вспомнить, такъ душѣ отрада!

Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо:

Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.

Никто тамъ ни садить, ни сѣять,

А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растеть и зрѣеть!
Вотъ въ Римѣ, *) напиримѣръ, я видѣлъ огурецъ:

Ахъ, мой творецъ!

И по сію не вспомнюсь пору!

Повѣришь ли? ну, право, былъ онъ съ гору.»

— «Что за диковина!» пріятель отвѣчалъ:

«На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду;

Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.

Мы сами вотъ теперъ подходимъ къ чуду,

*) Римъ—главный городъ въ Италіи.

Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.

Вонъ, видишь ли, черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:

Лжець ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ:

До половины не дойдетъ—

Провалится, и въ воду упадетъ;

Но кто не лжетъ,

Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ.»

— «А какова у васъ рѣка?»

— «Да не мелка.

Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!

Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ;

Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?»

— «Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ.»

— «Повѣрить трудно!

Однакожь какъ ни чудно,

А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ;

Что онъ лжеца никакъ не поднимаетъ;

И нынѣшней еще весной

Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)

Два журналиста да портной.

Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной

Диковинка, коль это справедливо.»

— «Ну, не такое еще диво;

Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:

Не думай, что вездѣ по-нашему хоромы;

Что тамъ за дома:

Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,

И то ни стать, ни сѣсть!»

— «Пусть такъ, но все признаться должно,

Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,

Въ которомъ двумъ усѣсться можно.

Однакожь мостъ-ать нашъ каковъ,

Что лгунъ не сдѣлаеть на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!

Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...»
— «Послушай-ка,» тутъ перервалъ мой лжецъ:
«Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду.»

15. Синица.

Синица на море пустилась:

Она хвалилась,

Что хочетъ море сжечь.

Разславилась тотчасъ о томъ по свѣту рѣчь.
Страхъ обнялъ жителей нептуновой столицы; *)

Летятъ стадами птицы;

А звѣри изъ лѣсовъ сбѣгаются смотрѣть,
Какъ будетъ океанъ, и жарко ли, горѣть.

И даже, говорятъ, на слухъ молвы крылатой,

Охотники таскаться по пирамъ

Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,

Чтобъ похлепать ухи такой богатой,

Какой де откупщикъ и самый тороватый

Не даывалъ секретарямъ.

Толпятея: чуду всякъ заранѣе дивится,

Молчить и, на море глаза уставя, ждетъ;

Лишь изрѣдка иной шепнетъ:

«Вотъ закипитъ, вотъ тотчасъ загорится!»

Не тутъ-то: море не горить.

Кипить ли хоть?—И не кипить.

И чѣмъ же кончились затѣи величавы?

Синица со стыдомъ въ-свояси уплыла;

Надѣлала синица славы,

А моря не зажгла.

Примолвить къ рѣчи здѣсь годится,

Но ничьего не трогая лица:

Что дѣломъ, не сведя конца,

Не надобно хвалиться.

*) Жителей моря (рыб).

16. Слонъ и моська.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно, на показъ.

Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ;
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возмись, на встрѣчу моська имъ.

Увидѣвши слона, ну на него метаться
И лаять, и визжать, и рваться;
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
«Сосѣдка, перестань срамиться,»

Ей шавка говорить: «тебѣ ль съ слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,

И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.»

— «Эхъ, эхъ!» ей моська отвѣчаетъ:

«Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,

Что я, совсѣмъ безъ драки,

Могу попасть въ большія забіяки.

Пускай же говорятъ собаки:

Ай моська! знать, она сильна,

Что даетъ на слона!»

17. Кукушка и пѣтухъ.

«Какъ, милый пѣтушокъ, поешь ты громко, важно!»

— «А ты, кукушечка, мой свѣтъ,

Какъ тянешь плавно и протяжно:

Во всемъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ!»

— «Тебя, мой куманекъ, вѣкъ слушать я готова.»

— «А ты, красавица, боюсь,

Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,

Чтобъ начала ты снова...

Отколь такой беретъя голосокъ?

И чистъ, и пѣжень, и высокъ!..

Да вы ужъ родомъ такъ: собою невелички,

А пѣсни, что твой соловей!»

— «Спасибо, кумь; зато, по совѣсти моей,
Поешь ты лучше райской птички:
На всѣхъ ссылаюсь въ этомъ я.»

Тутъ воробей, случась, промолвилъ имъ: «друзья,
Хоть вы охрипните, хваля другъ дружку,
Все ваша музыка плоха!»

За что же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалить пѣтуха?—
За то, что хвалить онъ кукушку.

18. Муравей.

Какой-то муравей былъ силы непомѣрной,
Какой не слыхано ни въ древни времена;
Онъ даже (говорить его историкъ вѣрный)
Могъ поднимать большихъ ячменныхъ два зерна!
Притомъ и въ храбрости за чудо почитался:

Гдѣ бъ ни завидѣлъ червяка,
Тотчасъ въ него вшивался,
И даже хаживалъ одинъ на паука:

А тѣмъ вошелъ въ такую славу,
Онъ въ муравейникѣ своемъ,
Что только и рѣчей тамъ было, что о немъ.
Я лишнія хвалы считаю за отраву;
Но этотъ муравей былъ не такого нраву:

Онъ ихъ любилъ,
Своимъ ихъ чванствомъ мѣрилъ,
И всѣмъ имъ вѣрилъ;

А ими, наконецъ, такъ голову набилъ,
Что вздумалъ въ городъ показаться,
Чтобъ силой тамъ повеличаться.

На самый крупный съ сѣномъ возъ
Онъ къ мужику спесиво всползъ,
И въѣхалъ въ городъ очень пышно;
Но, ахъ, какой для гордости ударъ!

Онъ думалъ, на него сбѣжится весь базаръ,
Какъ на пожаръ;

А про него совсѣмъ не слышно:
У всякаго забота тамъ своя.

Мой муравей, то, взявъ листокъ, потянетъ,
То припадетъ онъ, то привстанетъ:
Никто не видитъ муравья.

Уставши наконецъ тянуться, выправляться,
Съ досадою Барбосу онъ сказалъ,
Который у воза хозяйскаго лежалъ:

«Не правда ль, надобно признаться,

Что въ городъ у васъ
Народъ безъ толку и безъ глазъ?

Возможно ль, что меня никто не примѣчаетъ,

Какъ ни тянусь я цѣлый часъ;

А, кажется, у насъ
Меня весь муравейникъ знаетъ.»

И со стыдомъ отправился домой.

Такъ думаетъ иной

Затѣйникъ,

Что онъ въ подсолнечной гремитъ,

А онъ давитъ

Свой только муравейникъ.

19. Двѣ бочки.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ,

Другая

Пустая.

Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ

Плетется,

Другая вскачь несется;

Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ,

И пыль столбомъ;

Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жметса,

Ее слышавши издалека;

Но какъ та бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

Кто про свои дѣла кричить всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ, вѣрно, мало толку;
Кто дѣловъ истинно,—тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпую думу
Безъ шуму.

IV. Неразумная переимчивость.

20. Скворецъ.

У всякаго талантъ есть свой;
Но часто, на успѣхъ прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
Въ чемъ онъ совсѣмъ не годенъ.
А мой совѣтъ такой:
Берись за то, къ чему ты сроденъ,
Коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшный былъ конецъ

Какой-то смолоду скворецъ
Такъ пѣть щегленкомъ научился,
Какъ будто бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голосомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякій скворушку хвалилъ.
Иной бы былъ такой доволенъ частью;
Но скворушка услышь, что хвалятъ соловья,
А скворушка завистливъ былъ къ несчастью,—
И думаетъ: «постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ».
И подлинно запѣлъ,
Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
То онъ нищаль, то онъ хрипѣлъ,
То верещаль козленкомъ,

То не путемъ
Мяукаль онъ котенкомъ;
И, словомъ, разогналъ всѣхъ птицъ своимъ пѣньемъ.
Мой милый скворушка, ну, что за прибыль въ томъ?
Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловьемъ.

21. Щука и котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ,
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ всегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта.
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить, иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой шукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ;
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ амбарѣ половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?»
Сталь шукѣ Васька говорить:
«Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.»
— «И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей.»
— «Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!» Пошли, засѣли.
Натѣщился, наѣлся котъ,

И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А шука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумъ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, шука,
Тебѣ наука:
Впередъ умнѣе быть,
И за мышами не ходить.

22. Ворона.

Когда не хочешь быть смѣшонъ,
Держися званія, въ которомъ ты рожденъ.
Простолюдинъ, со знатю не роднися;
И если карлой сотворенъ,
То въ великаны не гонися,
А помни свой ты чаще ростъ.

Утыкавши себѣ павлинымъ перьемъ хвостъ,
Ворона съ павами пошла гулять спесиво,
И думаетъ, что на нее
Родня и прежніе пріятели ея
Всѣ заглядятся, какъ на диво;
Что панамъ всѣмъ она сестра,
И что пришла ея пора
Быть украшеніемъ двора.
Какой же вышелъ плодъ ея высокомѣрья?
Что павами она оципана кругомъ,
И что, бѣжавъ отъ нихъ, едва не кувиркомъ,
Не говоря ужъ о чужомъ,
На ней и своего осталось мало перья.
Она, было, назадъ къ своимъ, но тѣ совсѣмъ
Заклеванной вороны не узнали,
Ворону вдосталь оципали,
И кончилась ея затѣя тѣмъ,

Что отъ воронъ она отстала,
А къ павамъ не пристала.

Я эту басенку вамъ былью поясню.

Матренѣ, дочери купецкой, мысль припала,

Чтобъ въ знатную войти родню.

Приданого за ней полмилліона.

Вотъ выдали Матрену за барона,

Что жъ вышло? Новая родня ей колеть глазъ

Попрекомъ, что она мѣщанкой родилась;

А старая за то, что къ зятнымъ приплелась:

И сдѣлалась моя Матрена

Ни пава, ни ворона.

23. Лягушка и волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши вола,

Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравниться, —

Она завистлива была, —

И ну тепорщиться, пыхтѣть и надуваться.

«Смотри-ка, квакушка, что буду ль я съ него?»

Подругѣ говорить. — «Нѣтъ, кумушка, далеко!»

— «Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.

Ну, каково!

Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего».

— «Ну, какъ теперь?» — «Все то жъ». Пыхтѣла да

пыхтѣла,

И кончила моя затѣйница на томъ,

Что, не сравнившись съ воломъ,

Съ натуги лопнула и — околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:

И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,

Какъ именитый гражданинъ,

А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

24. О б е з ь я н ы .

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сискать;
А безъ ума перенимать,
И Боже сохрани, какъ худо!
Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.
Кто обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,
Какъ жадно все онѣ перенимають.
Такъ въ Африкѣ *), гдѣ много обезьянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтвямъ на деревѣ густомъ,
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.
Подруга каждая тутъ тихо толкъ подругу,
И шепчуть всѣ другъ другу:
«Смотрите-ка на удалца;
Затѣямъ у него, такъ право, нѣтъ конца:
То кувырнется,
То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,
Что не видать ни рукъ, ни ногъ.
Ужъ мы ль на все не мастерицы,
А этого у насъ искусства не видать!
Красавицы сестрицы!
Не худо бы намъ это перенять.
Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ,
Авось уйдетъ, тогда мы тотчасъ...» Глядь,
Онъ подлинно ушелъ, и сѣти имъ оставилъ.
«Что жъ», говорятъ онѣ, «и время намъ терять?
Пойдемъ-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей
Разостлали внизу премножество сѣтей.

---

*) Африка—часть свѣта, жаркая страна.

Ну въ нихъ онѣ кувыряться, кататься,
И кутаться, и завиваться;
Кричать, визжать,—веселье хоть куда!
Да вотъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться!
Хозяинъ между тѣмъ стерегъ,
И, видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками.
Онѣ—чтобъ на утекъ,
Да ужъ никто распутаться не могъ,
И всѣхъ ихъ побрали руками.

V. Невѣжество.

25. Квартетъ. *)

Проказница-мартышка,
Осель,
Козель
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, басá, альтá, двѣ скрипки,
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки—деруть, а толку нѣтъ.
«Стой, братцы, стой!» кричитъ мартышка: «погодите!
Какъ музыкѣ идти? Вѣдь, вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альтá,
Я, прима, сяду противъ вторы; **)
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»
Разсѣлись, начали квартетъ;
Онѣ все-таки на ладъ нейдеть.
«Постойте жъ, я сыскалъ секретъ.»

*) Сыграть квартетъ—сыграть вчетверомъ.

***) Прима—первая скрипка, втора—вторая скрипка.

Кричитъ осель: «мы, вѣрно, ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ.»
Послушались осла: усѣлись чинно въ рядъ;
А все-таки квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣкъ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье:
«Пожалуй,» говорятъ, «возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привести:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть:
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»
— «Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй,»
Имъ отвѣчаетъ соловей:
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь.»

26. Осель и соловей.

Осель увидѣлъ соловья
И говорить ему: «послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ль подлинно твое умѣнье?»
Тутъ соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдаль свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по роцѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры: *)

*) Аврора — утренняя заря (сказочная богиня утренней зари).

Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался.
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Осель, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно,» говоритъ: «сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно:
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ наострился,
Когда бы у него немножко поучился.»
Услыша судъ такой, мой бѣдный соловей
Вспорхнулъ — и полетѣлъ за тридевять полей.

—

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

27. Пѣтухъ и жемчужное зерно.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашель жемчужное зерно,
И говорить: «куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко такъ цѣнять!
А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно.»

—

Невѣжи судять точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

28. Мартышка и очки. *)

Мартышка къ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,

---

*) Мартышка — обезьяна.

Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
«Тыфу пропасть!» говоритъ она: «и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про очки лишь мнѣ наггали;
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ.»
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъхватила ихъ,
Что только брызги засвергали.

Къ несчастью, то жъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь, — цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонить;
А ежели невѣжда познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонить.

29. Свинья подъ дубомъ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась желудей досыта, до отвала;
Наѣвшись, выпалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала,
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
«Вѣдь это дереву вредить,»
Ей съ дубу воронъ говорить;
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ.»
— «Пусть сохнетъ,» говоритъ свинья:
«Ничуть меня то не тревожить;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю;
Лишь были бъ желуды: вѣдь я отъ нихъ жирѣю.»
— «Неблагодарная!» примолвилъ дубъ ей тутъ:

«Когда бы вверху могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти желуди на мнѣ растутъ »

Невѣжда также въ ослѣпленѣ
Бранить науки и ученье,
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онѣ вкушаетъ ихъ плоды.

VI. Бездѣлье, трудъ полезный и бесполезный.

30. Муха и Пчела.

Въ саду весной, при легкомъ вѣтеркѣ,
На тонкомъ стебелькѣ,
Качалась муха, сидя,
И, на цвѣткѣ пчелу увидя,
Спесиво говорить: «ужь какъ тебѣ не лѣнь
Съ утра до вечера трудиться цѣлый день!
На мѣстѣ бы моемъ я въ сутки захирѣла.

Вотъ, напримѣръ, мое
Такъ, право, райское житье!
За мною только лишь и дѣла,
Летать по баламъ, по гостямъ:
И молвить, не хвалясь, мнѣ въ городѣ знакомы
Вельможъ и богачей всѣ дома.
Когда бъ ты видѣла, какъ я пирую тамъ:
Гдѣ только свадьба, именины—
Изъ первыхъ я ужь вѣрно тутъ,
И ѣмъ съ фарфоровыхъ богатыхъ блюдь,
И пью изъ хрусталей блестящихъ сладки вины,
И прежде всѣхъ гостей
Беру, что вздумаю, изъ лакомыхъ сластей;
Притомъ же, жалуя полъ нѣжный,

Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь,
И отдыхать у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой иль шейкѣ бѣлоснѣжной».
— «Все это знаю я», отвѣтствуетъ пчела:
«Но и о томъ дошли мнѣ слухи,
Что никому ты не мила,
Что на лирахъ лишь морщатся отъ мухи,
Что даже часто, гдѣ покажешься ты въ домъ,
Тебя гоняють со стыдомъ».
— «Вотъ», муха говорить: «гоняють! что жъ такое?
Коль выгонять въ окно, такъ я влечу въ другое».

31. Обезьяна.

Какъ хочешь ты трудись,
Но приобрѣсть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.
Зато, кто мимо ни проходить,
Отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать! *)
Мартышку это въ зависть вводить,
Хвалы приманчивы,—какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться!
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватить,

---

*) *Исполать*— много лѣтъ здравствовать.

То поволочеть, то покатить;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;
И наконецъ она, пыхтя, насилу дышитъ;
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ

32 Б ѣ л к а.

Въ деревнѣ, въ праздникъ, подъ окномъ
Помѣщичьихъ хоромъ,
Народъ толпился;
На бѣлку въ колесѣ зѣвалъ онъ и дивился,
Вблизи съ березы ей дивился тоже дроздъ;
Такъ бѣгала она, что лапки лишь мелькали,
И раздувался пышный хвостъ.
«Землячка старая», спросилъ тутъ дроздъ: «нельзя ли
Сказать, что дѣлаешь ты здѣсь?»
— «Охъ, милый другъ! тружусь день весь:
Я по дѣламъ гонцемъ у барина большого;
Ну, некогда ни пить, ни ѣсть,
Ни даже духу перевести».
И бѣлка въ колесѣ бѣжать пустилась снова.
— «Да», улетая дроздъ сказалъ: «то ясно мнѣ,
Что ты бѣжишь, а все на томъ же ты окнѣ.

Посмотришь на дѣльца иного:
Хлопочеть, мечется,—ему дивятся всѣ;
Онъ, кажется, изъ кожи рвется,
Да только все впередъ не подается,
Какъ бѣлка въ колесѣ.

33. Паукъ и пчела.

По мнѣ таланты тѣ не годны,
Въ которыхъ свѣту пользы нѣтъ,
Хоть иногда имъ и дивится свѣтъ.

Купецъ на ярмарку привезъ полотна;
Они такой товаръ, что надобно для всѣхъ.
Купцу на торгъ пожаловаться грѣхъ:
Покупщиковъ отбою нѣтъ; у лавки
Доходить иногда до давки.
Увидя, что товаръ такъ ходко идетъ съ рукъ,
Завистливый наукъ
На барыши купца прельстился;
Задумалъ на продажу ткать,
Купца затѣялъ подорвать,
И лавочку открыть въ окошкѣ самъ рѣшился.
Основу основаль, проткалъ насквозь всю ночь,
Поставилъ свой товаръ на диво,
Засѣлъ, надувшись спесиво,
Отъ лавки не отходить прочь,
И думаетъ—лишь только день настанетъ,
То всѣхъ покупателей къ себѣ онъ переманить.
Вотъ день насталъ; но что жъ? Проказника метлой
Смели и съ лавочкой долой.
Паукъ мой бѣсится съ досады,
«Вотъ», говоритъ: «жди праведной награды!
На весь я свѣтъ пошлюсь, чье тонѣ тканье:
Купцово иль мое?»
— «Твое: кто въ этомъ спорить смѣетъ!»
Пчела отвѣтствуетъ: «извѣстно то давно;
Да что въ немъ проку, коль оно
Не одѣваетъ и не грѣетъ?»

34. Трудодлюбивый медвѣдь.

Увидя, что мужикъ, трудясь надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
(А дуги гнуть съ терпѣньемъ и не вдругъ).
Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами.
Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,
И слышно за версту проказу.

Орѣшника, березника и вязу
Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,
А не дается ремесло.
Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта,
И говорить: «сосѣдь, что за причина эта?
Деревя-таки я ломать могу,
А не согнулъ ни одного въ дугу.
Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?
— «Въ томъ», отвѣчалъ сосѣдь,
«Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:
Въ терпѣннѣ».

35. Двѣ собаки.

Дворовый вѣрный песъ,
Барбось,
Который барскую усердно службу несъ,
Увидѣлъ старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.
Къ ней ластяся, какъ будто бы къ роднѣ,
Онъ съ умиленья чуть не плачетъ,
И подъ окномъ
Визжитъ, вертитъ хвостомъ
И скачетъ.
«Ну, что, Жужутка, какъ живешь
Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?
Вѣдь, помнишь: на дворѣ мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?»
— «На счастье грѣхъ роптать,» Жужутка отвѣчаетъ:
«Мой господинъ во мнѣ души не чаеъ;
Живу въ довольствѣ и добрѣ,
И ѣмъ, и пью на серебрѣ;
Рѣзвлюся съ бариномъ, а ежели устану,
Валаюсь по коврамъ и мягкому дивану.
Ты какъ живешь?» — «Я,» отвѣчалъ Барбось,

Хвостъ плетью опустя и свой повѣся носъ:
«Живу попрежнему: терплю и холодъ,
И голодъ,
И, сберегаючи хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю, и мокну подъ дождемъ;
А если невпопадъ залаю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случай попалъ,
Безсиленъ бывши такъ и малъ,
Межь тѣмъ, какъ я изъ кожи рвусь напрасно?
Чѣмъ служишь ты?» — «Чѣмъ служишь! Вотъ прекрасно!»
Съ насмѣшкой отвѣчала Жужу:
«На заднихъ лапкахъ я хожу.»

—
Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ.

36. Стрекоза и муравей,

Попрыгунья стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ, и домъ.
Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужъ не поетъ:
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный!
Злой тоской удручена,
Къ муравью ползетъ она:
«Не оставь меня, кумъ милый!
Дай ты мнѣ собраться съ силой,

И, до вешнихъ только дней,
Прокорми и обогрѣй!»
— «Кумушка, мнѣ странно это:
Да работала ль ты въ лѣто?»
Говорить ей муравей.
— «До того ль, голубчикъ, было!
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило.»
— «А, такъ ты...» — «Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла.»
— «Ты все пѣла? это дѣло:
Такъ поди же попляши!»

37. Старикъ и трое молодыхъ.

Старикъ садить собирался деревцо.
«Ужъ пусть бы строиться; да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда ужъ смотришь вонъ изъ свѣта!»
Такъ, старику смѣясь въ лицо,
Три взрослыхъ юноши сосѣднихъ разсуждали.
«Чтобъ плодъ тебѣ твои труды желанный дали,
То надобно, чтобъ ты два вѣка жилъ.
Неужли будешь ты второй Маѳусаилъ? *)
Оставь, старинушка, свои работы:
Тебѣ ли затѣвать толь дальніе расчеты?
Едва ли для тебя текущій вѣренъ часъ.
Такіе замыслы простительны для насъ:
Мы молоды, цвѣтемъ и крѣпостью, и силой,
А старику пора знакомиться съ могилой.»
— «Друзья!» смиренно имъ отвѣтствуетъ старикъ:
«Издѣтства я къ трудамъ привыкъ;
А если отъ того, что дѣлать начинаю,

---

*) *Маѳусаилъ*, по сказанію Библіи, жилъ дольше всѣхъ людей (около тысячи лѣтъ).

Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю,
То, признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣе берусь.
Кто добръ, не все лишь для себя трудится.
Сажая деревцо, и тѣмъ я веселюсь,
Что если отъ него самъ тѣни не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда сей тѣнью насладится:

И это для меня ужъ плодъ.

Да можно ль и за то ручаться напередъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ?
Смерть смотреть ли на молодость, на силу
Или на прелесть лицъ?

Ахъ, въ старости моей прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И вѣрнѣйшихъ юношей я провожалъ въ могилу!
Кто знаетъ: можетъ быть, что вашъ и ближе часъ,
И что сыра земля покроетъ прежде васъ.»
Какъ имъ сказалъ старикъ, такъ послѣ то и было.
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ;
Надеждой счастье сперва ему польстило;
Но бурей корабль разбило:
Надежду и пловца—все море поглотило.

Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока власти,
За роскошь, нѣгу и за страсти,
Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ.
А третій въ жаркій день холоднаго испиль
И слегъ: его врачамъ искуснымъ поручили,
А тѣ его до смерти залѣчили.

Узнавши о кончинѣ ихъ,
Нашъ добрый старичокъ оплакалъ всѣхъ троихъ.

38. Прудъ и рѣва.

«Что это,» говорилъ рѣкѣ сосѣднй прудъ:
«Какъ на тебя ни взглянешь,
А воды все твои текутъ!

Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?

Притомъ же, вижу я почти всегда,
То съ грузомъ тяжкія суда,
То долговязые плоты ты носишь;
Ужь я не говорю про лодки, челноки:

Имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь?

Я, право, высохъ бы съ тоски.

Въ сравненіи съ твоимъ, какъ жребій мой пріятель!

Конечно, я не знатень,

По картѣ не тянусь я черезъ цѣлый листъ,

Мнѣ не брэнчить похваль какойнибудь гуслисть:

Да это, право, все пустое!

Зато я въ илистыхъ и мяркихъ берегахъ,

Какъ барыня въ пуховикахъ,

Лежу и въ нѣгѣ, и въ покоѣ;

Не только что судовъ

Или плотовъ

Мнѣ здѣсь не для чего страшиться:

Не знаю даже я, каковъ тяжелъ челнокъ;

И много, ежели случится,

Что по водѣ моей чуть зыблется листокъ,

Когда его ко мнѣ заброситъ вѣтерокъ.

Что беззаботную замѣнить жизнь такую?

За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,

Не двигаюсь, я смотрю на суету мірскую,

И философствую *) сквозь сонъ.»

— «А, философствуя, ты помнишь ли законъ,»

Рѣка на это отвѣчаетъ,

«Что свѣжестъ лишь года движенемъ сохраняетъ?»

И если стала я великою рѣкой,

Такъ это оттого, что, кинувши покой,

Послѣдую сему уставу;

Зато по всякій годъ,

Обиліемъ и чистотою водъ,

---

*) *Философствую*—предаюсь размышленію.

И пользу приношу, и въ честь вхожу и въ славу,
И буду, можетъ быть, еще я вѣки течь,
Когда уже тебя не будетъ и въ поминѣ,
И о тебѣ совсѣмъ исчезнетъ рѣчь.»

Слова ея сбылись: она течетъ понынѣ;

А бѣдный прудъ годъ-отъ-году все гложь,
Заволоченъ весь тиною глубокой,

Зацвѣль, заросъ осокой

И, наконецъ, совсѣмъ изсохъ.

—

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,

Слабѣя всякій день,

Когда имъ овладѣтъ лѣнь,

И оживлять его дѣятельность не станетъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ДОБРО И ЗЛО ДЛЯ ДРУГОГО.

І. Взаимное отношеніе между сильнымъ и слабымъ.

39. Мышь и крыса.

«Сосѣдка! слышала ль ты добрую молву?»

Вбѣжавши, крысѣ мышь сказала:

«Вѣдь кошка, говорятъ, попалась въ когти льву.
Вотъ отдохнуть и намъ пора настала!»

— «Не радуйся, мой свѣтъ,»

Ей крыса говорить въ отвѣтъ:

«И не надѣйся попустому!

Коль до когтей у нихъ дойдетъ,

То, вѣрно, льву не быть живому:

Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ!»

—

Я сколько разъ видалъ, примѣйте это сами:

Когда боится трусь кого,

То думаетъ, что на того

Весь свѣтъ глядитъ его глазами.

40. Левъ и лисица.

Лиса, не видя съ роду льва,

Съ нимъ встрѣтясь, со страстей осталась чуть жива.

Вотъ, нѣсколько спустя, опять ей левъ попался;
Но ужъ не такъ ей страшень показался;
А третій разъ потомъ
Лиса и въ разговоръ пустилася со львомъ.

Иного также мы боимся,
Поколь къ нему не приглядимся.

41. Левъ и Волеъ.

Левъ убиралъ за завтракомъ ягненка;
А собаченка,
Вертясь вокругъ царскаго стола,
У льва изъ-подъ когтей кусочекъ урвала;
И царь звѣрей то снесъ, не огорчася ни мало:
Она глупа еще и молода была.
Увидя то, на мысли волку вспало,
Что левъ, конечно, не силенъ,
Коль такъ смиренъ;
И лапу протянулъ къ ягненку также онъ.
Анъ вышло съ волкомъ худо:
Онъ самъ ко льву попалъ на блюдо.
Левъ растерзалъ его, примолвя такъ: «дружокъ!
Напрасно, смотря на собачку,
Ты вздумалъ, что тебѣ я также дамъ потачку:
Она еще глупа, а ты ужъ не щенокъ!»

42. Левъ на ловлѣ.

Собака, левъ да волкъ съ лисой
Въ сосѣдствѣ какъ-то жили,
И вотъ какой
Между собой
Они завѣтъ всѣ положили:
Чтобъ имъ звѣрей сообща ловить,
И, что наловится, все поровну дѣлить.

Не знаю какъ и чѣмъ, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала,
И шлетъ къ товарищамъ пословъ,
Чтобъ шли дѣлать счастливый ловъ:
Добыча, право, не дурная!
Пришли, пришелъ и левъ; онъ, когти разминая
И озираючи товарищей кругомъ,
Дѣлежь располагаетъ,
И говоритъ: «мы, братцы, вчетверомъ.»
И начетверо онъ оленя раздраетъ.
«Теперь давай дѣлать! Смотрите же, друзья:
Вотъ эта часть моя
По договору;
Вотъ эта мнѣ, какъ льву, принадлежитъ безъ спору;
Вотъ эта мнѣ за то, что всѣхъ сильнѣе я;
А въ этой чуть изъ васъ лишь лапу кто протянетъ,
Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ.»

43. Волкъ и ягненокъ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ;
Тому въ исторіи мы тму примѣровъ слышимъ,
Но мы исторіи не пишемъ;
А вотъ о томъ какъ въ басняхъ говорятъ.

—
Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться;
И надобно жъ бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ волкъ.
Ягненка видитъ онъ, на добычу стремится;
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: «какъ смѣешь ты, наглець, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое
Съ пескомъ и съ иломъ?
За дерзость такую
Я голову съ тебя сорву!»

— «Когда свѣтлѣйшій волкъ позволить,
Осмѣлюсь я донести, что ниже по ручью
Отъ свѣтлости его шаговъ я на сто пью,
И гнѣваться напрасно онъ изволить:
Питья мутить ему никакъ я не могу.»

— «Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ

Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ:

Я этого, пріятель, не забылъ!»

— «Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году,»
Ягненокъ говорить. — «Такъ это былъ твой братъ.»

— «Нѣтъ братьевъ у меня.» — «Такъ это кумъ или свать,
И словомъ, кто-нибудь изъ вашего же роду.

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы всѣ мнѣ зла хотите,

И если можете, то мнѣ всегда вредите;

Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи.»

— «Ахъ, я чѣмъ виноватъ?» — «Молчи! усталъ я слушать.

Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!

Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать.»

Сказаль, и въ темный лѣсъ ягненка поволокъ.

44. Моръ звѣрей.

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ — моръ

Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри;

Въ адъ запахнулись настезь двери;

Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;

Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы;

Неумолимая, какъ сѣно, косить ихъ;

А тѣ, которые въ живыхъ,

Смерть видя на носу, чуть бродятъ полумертвы:

Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ;

Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ великихъ столь бѣдахъ:

Не давить волѣъ овецъ, и смиренъ, какъ монахъ;

Миръ курамъ давъ, лиса постится въ подземельѣ;

Имъ и ѣда на умъ нейдетъ.

Съ голубкой голубъ врозь живетъ,

Любви въ поминѣ больше нѣтъ:

А безъ любви какое ужъ веселье?

Въ семь горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ левъ.

Тащатся шагъ-за-шагъ, чуть держатся въ нихъ души.

Сбrelись, и въ тишинѣ, царя вокругъ обсѣвъ,

Уставили глаза, и приложили уши.

«О други!» началъ левъ: «по множеству грѣховъ

Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;

Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,

Пускай по доброй волѣ

Отдастъ себя на жертву имъ!

Быть можетъ, что богамъ мы угодимъ,

И теплое усердье нашей вѣры

Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ.

Кому не вѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,

Что добровольныхъ жертвъ такихъ

Бывали многіе въ исторіи примѣры?

Итакъ, смиря свой духъ,

Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякій вслухъ,

Въ чемъ согрѣшилъ когда онъ вольно или невольно.

Покаемся, мои друзья!

Охъ, признаюсь, — хоть это мнѣ и больно, —

Не правъ и я!

Овечекъ бѣдненькихъ — за что? — совсѣмъ безвинно

Диралъ безчинно;

А иногда — кто безъ грѣха? —

Случалось, дралъ и пастуха;

И въ жертву предаюсъ охотно;

Но лучше бъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечестъ

Свои грѣхи: на комъ ихъ болѣ есть,

Того бы въ жертву и принести,

И было бы богамъ то болѣе угодно».

— «О царь нашъ, добрый царь! Отъ лишней доброты,»

Лисица говоритъ, «въ грѣхъ это ставишь ты.
Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слушать,
То придетъ съ голоду пропасть намъ наконецъ;

Притомъ же, нашъ отецъ,

Повѣрь, что это честь большая для овецъ,

Когда ты ихъ изволишь кушать.

А что до пастуховъ, мы всё здѣсь бьемъ челомъ

Ихъ чаще такъ учить, — имъ это по дѣломъ:

Безхвостый этотъ родъ лишь глупой спесью дышитъ,

И нашими себя вездѣ царями пишетъ».

Окончила лиса, за ней, на тотъ же ладъ,

Льстецы льву то же говорятъ,

И всякій доказать спѣшить на-перехватъ,

Что даже не въ чемъ льву просить и отпущенья.

За львомъ медвѣдь и тигръ, и волки, въ свой чередъ,

Во весь народъ

Повѣдали свои смиренно погрѣшенья;

Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ

Никто и шевелить не смѣлъ;

И всё, кто были тутъ богаты

Иль когтемъ, иль зубкомъ, тѣ вышли вонъ

Со всѣхъ сторонъ

Не только правы, чуть не святы.

Въ свой рядъ смиренный волъ имъ такъ мычить: «и мы
Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зимой кормы

Намъ были худы,

На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ:

Ни отъ кого себѣ найти не могли ссуды,

Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ».

При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;

Кричатъ медвѣди, тигры, волки:

«Смотри, злодѣй какой!

Чужое сѣно ѣсть! Ну, диво ли, что боги

За беззаконіе его къ намъ столько строги!

Его безчинника съ рогатой головой,

Его принести богамъ за всё его проказы,

Чтобъ и тѣла намъ спасти и нравы отъ заразы,
Такъ, по его грѣхамъ у насъ и моръ такой!»!

Приговорили—

И на костеръ вола взвалили.

И въ людяхъ такъ-же говорятъ:
Кто помирнѣй, такъ тотъ и виноватъ.

45. Орель и кротъ.

Не призирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ, орель съ орлицею вдвоемъ
Задумали навѣкъ остаться въ немъ,
И, выбравши вѣтвистый дубъ, высокій,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,
Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.
Услыша кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,
Что весь почти онъ въ корнѣ сгниль,
И скоро, можетъ быть, свалится,
Такъ чтобъ орель гнѣзда на немъ не вилъ.
Но кетати ли орлу принять совѣтъ изъ норки
И отъ крота! А гдѣ же похвала,
Что у орла
Глаза такъ зорки?
И что за стать кротамъ мѣшаться смѣтъ въ дѣла
Царь-птицы!
Такъ многого съ кротомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря,
И новоселье у царя
Поспѣло скоро для царицы.
Все счастливо: ужъ есть и дѣти у орлицы.

Но что-жь?—Однажды, какъ зарей
Орель изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
Онъ видитъ: дубъ его свалился,
И подавило имъ орлицу и дѣтей.
Отъ горести не взвидя свѣта,
«Несчастный!» онъ сказалъ:
«За гордость рокъ меня такъ люто наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣта.
Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный кротъ совѣтъ могъ добрый дать?»
— «Когда бы ты не презрѣлъ мною»,
Изъ норки кротъ сказалъ: «то вспомнилъ бы, что рою
Свои я норы подъ землей,
И что, случаясь близъ корней,
Здорово ль дерево, я знать могу вѣрнѣй».

64. Левъ и мышь.

У льва просила мышь смиренно позволенья,
По близости его въ дуплѣ завести селенье,
И такъ промолвила: «хотя де здѣсь, въ лѣсахъ,
Ты и могучъ, и славенъ;
Хоть въ силѣ льву никто не равенъ,
И ревъ одинъ его на всѣхъ наводитъ страхъ;
Но будущее кто угадывать возьметъся:
Какъ знать, кому въ комъ нѣжда доведется!
И какъ я ни мала кажусь,
А можетъ быть, подъ часъ тебѣ и пригожусь».
— «Ты!» вскрикнулъ левъ; «ты жалкое созданье!
За эти дерзкія слова
Ты стоишь смерти въ наказанье!
Прочь, прочь отсель, пока жива,
Иль твоего не будетъ праху».
Тутъ мышка бѣдная, не вспомнясь отъ страху,
Со всѣхъ пустилась ногъ,—простыль ея и слѣдъ.

Льву даромъ не прошла однакожъ гордость эта:
Отправяся искать добычи на обѣдъ,

Попался онъ въ тенета.

Безъ пользы сила въ немъ, напрасенъ ревъ и стонъ:

Какъ онъ ни рвался, ни метался,

Но все добычею охотника остался,

И въ клѣткѣ на показъ народу увезенъ.

Про мышку бѣдную тутъ поздно вспомнилъ онъ,

Что бы помочь она ему сумѣла,

Что сътъ бы отъ ея зубовъ не уцѣлѣла,

И что его своя кичливость съѣла.

—

Читатель, истину любя,

Промолвлю въ баснѣ я, и то не отъ себя:

Не попусту въ народѣ говорится:

Не плюй въ колодезь,—пригодится

Воды напиться.

47. Левъ и комаръ.

Безильному не смѣйся,

И слабаго обидѣть не мози!

Мстятъ сильно иногда безильные враги,

Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся!

Послушай басню здѣсь о томъ,

Какъ больно левъ за спесь наказанъ комаромъ.

Вотъ что о томъ я слышалъ стороною:

Сухое къ комару явилъ презрѣнне левъ.

Зло взяло комара: обиды не стерпѣвъ,

Собрался, поднялся комаръ на льва войною.

Самъ ратникъ, самъ трубачъ, пищитъ во всю гортань,

И вызываетъ льва на смертоносну брань.

Льву смѣхъ, во нашъ комаръ не шутить:

То съ тылу, то въ глаза, то въ уши льву онъ трубить!

И, мѣсто высмотрѣвъ и время улуча,

Орломъ на льва спустился,

И льву въ крестецъ всёмъ жаломъ впился.
Левъ дрогнулъ, и взмахнулъ хвостомъ на трубача.
Увертливъ нашъ комаръ, да онъ же и не труситъ:
Льву сълъ на самый лобъ, и львину кровь сосеть.
Левъ голову крутитъ, левъ гривую трясеть;
Но нашъ герой свое несетъ;
То въ носъ забьется льву, то въ ухо льва укуситъ.

Вздурился левъ,

Престрашный поднялъ ревъ,

Скрежещеть въ ярости зубами,

И землю онъ дереть когтями.

Отъ рыка грознаго окружный лѣсъ дрожитъ.
Страхъ обнялъ всёхъ звѣрѣй; все кроется, бѣжитъ;
Отколь у всёхъ взялися ноги,
Какъ будто бы пришелъ потоцъ или пожаръ!

И кто жъ? комаръ

Надѣлалъ столько всёмъ тревоги!

Рвался, метался левъ, и, выбившись изъ силъ,
О землю грянулся и миру запросилъ.
Насытилъ злость комаръ; льва жалуеть онъ миромъ;

И самъ

Летить трубить свою побѣду по лѣсамъ.

48. Левъ состарѣвшійся.

Могучій левъ, гроза лѣсовъ,

Постигнуть старостью, лишился силы:

Нѣтъ крѣпости въ когтяхъ, нѣтъ острыхъ тѣхъ зубовъ,

Чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ,

И самого едва таскають ноги хилы;

А что всего больнѣй,

Не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей,

Но всякъ, за старыя обиды льва въ отмщенье,

Наперерывъ ему наносить оскорбленье:

То гордый конь его копытомъ крѣпкимъ бьетъ,

То зубомъ волкъ рванеть,

То острымъ рогомъ волю боднеть.
Левъ бѣдный въ горѣ толь великомъ,
Сжавъ сердце, терпѣть все, и ждетъ кончины злой,
Лишь изъясляя ропотъ свой
Глухимъ и томнымъ рыкомъ;
Какъ видѣть, что осель туда жъ, натужа грудь,
Сбирается его лягнуть,
И смотритъ мѣсто лишь, гдѣ бъ было побольше.
«О боги!» возопилъ, стеная, левъ тогда:
«Чтобъ не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе!
Какъ смерть моя ни зла—
Все легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла».

II. Дружба, товарищество.

49. Крестьянинъ и змѣя.

Змѣя къ крестьянину пришла проситься въ домъ,
Не попустому жить, безъ дѣла;
Нѣтъ, нанячить у него дѣтей она хотѣла:
Хлѣбъ слаще, нажитый трудомъ!
«Я знаю», говоритъ она, «худую славу,
Которая у васъ, людей,
Идетъ про змѣй,
Что всѣ онѣ презлого нраву;
Изъ древности гласитъ молва,
Что благодарности онѣ не знаютъ;
Что нѣтъ у нихъ ни дружбы, ни родства;
Что даже собственныхъ дѣтей онѣ съѣдаютъ.
Все это можетъ быть; но я не такова:
Я съ роду никого не только не кусала,
Но такъ гнушаюсь зла,
Что жало у себя я вырвать бы дала,
Когда бъ я знала,

Что жить могу безъ жала;
И, словомъ, я добрый
Всѣхъ змѣй.

Суди жъ, какъ буду я любить твоихъ дѣтей!»
— «Коль это,» говоритъ крестьянинъ, «и не ложно,
Все мнѣ принять тебя не можно:
Когда примѣръ такой
У насъ полюбить,
Тогда вползуть сюда за доброю змѣей,
Одной,
Сто злыхъ, и всѣхъ дѣтей здѣсь перегубять.
Да, кажется, голубушка моя,
И потому съ тобой мнѣ не ужиться,
Что лучшая змѣя,
По мнѣ, ни къ чорту не годится.»

50. Волеъ и лисица.

Охотно мы даримъ,
Что намъ не надобно самимъ.
Мы это басней пояснимъ,
Затѣмъ, что истина сносно вполоткрыта.

Лиса, курятинки накушавшись досыта,
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ, а въ гости къ ней голодный волкъ тащится.
«Что, кумушка, бѣды!» онъ говоритъ:
«Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня таеъ голодь и морить;
Собаки злы, пастухъ не спитъ,
Пришло хотъ удавиться!»
— «Неужли?» — «Право такъ.» — «Бѣдняжка-куманекъ!
Да не изволишь ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ;
Я куму услужить готова.»

А куму не сѣнца, хотѣлось бы мясного:
Да про запасъ лиса ни слова.
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

51. Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣтъ, и, на просторѣ
Обшаря стѣны всѣ и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ;
И то сказать: какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а съ голюю всталъ такою,
Хоть по міру поди съ сумою;
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужить и горюеть,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.

«Нельзя ли,» говоритъ, «помочь бѣдѣ моей?»
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуеть,
И умный свой даетъ совѣтъ.

Кумъ Карпычъ говоритъ: «эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ.»

Сватъ Климычъ говоритъ: «впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣтъ къ избѣ гораздо ближе ставить.»

— «Эхъ, братцы, это все не такъ,»

Сосѣдъ толкуеть Фока:

«Не то бѣда, что клѣтъ далека,

Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;

Возьми-ка у меня щенка любого

Отъ жучки; я бы радъ сосѣда дорогого

Отъ сердца надѣлать,
Чѣмъ ихъ топить.»
И словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ,
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

—
На свѣтѣ таково жъ: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ, и впрямь;
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ—
И нѣмъ, и глухъ.

52. Собачья дружба.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Прстойнѣе бѣ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись—
И вѣжливые жъ псы, притомъ,
Ни на кого не лаютъ днемъ,—
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ и, наконецъ, о дружбѣ.
«Что можетъ», говоритъ Полканъ, «пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу;
Не спать безъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучить счастливый часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружнемъ счастѣе все свое блаженство ставить.
Вотъ если бѣ, напримѣръ, съ тобой у насъ

Такая дружба завелась:

Скажу я смѣло,

Мы бъ и не видѣли, какъ время бы летѣло».

— «А что же? это дѣло!»

Барбось отвѣтствуетъ ему:

«Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что, бывши одного двора съ тобой собаки,

Мы дня не проживемъ безъ драки;

И изъ чего? Спасибо господамъ:

Ни голодно, ни тѣсно намъ!

Притомъ же, право, стыдно:

Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней;

А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей,

Почти совсѣмъ не видно».

— «Явѣмъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена»,

Вскричалъ Полканъ: «дай лапу!»— «Вотъ она!»

И новые друзья ну обниматься,

Ну цѣловаться;

Не знаютъ съ радости, къ кому и приравняться:

«Орестъ мой!»— «Мой Пиладъ! *) Прочь, свары, зависть, злость!»

Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.

Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся;

Гдѣ дѣлся и совѣтъ, и ладъ?

Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,

Лишь только клочья вверхъ летятъ;

Насилу наконецъ ихъ разлили водою.

Свѣтъ полонъ дружбою такою.

Про нынѣшнихъ друзей лъзя молвить, не грѣша,

Что въ дружбѣ всѣ они едва ль не одинаки:

Послушать, кажется, одна у нихъ душа;

А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки!

---

*) Орестъ и Пиладъ—друзья, образецъ истинной дружбы.

53. Ворона и лисица.

Ужь сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна, но только все не въ прокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщеть уголокъ.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель ворона взгромоздясъ,
Позавтракать-было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду лиса близехонько бѣжала;
Вдругъ, сырный духъ лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ,—лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ;
Вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
„Голубушка, какъ хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ, право, сказки!
Какія перышки! Какой носокъ!
И, вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты бѣ у насъ была царь-птица“!
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло,—
И на привѣтливѣ лисицины слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ,—съ нимъ была плутовка такова.

54. Х м е л ь .

Хмель выбѣжалъ на огородъ,
И вокругъ сухой тычинки виться сталъ;
А въ полѣ близко дубъ молоденькій стоялъ.
„Что въ этомъ пользы есть уродъ.

Да и во всей его породѣ“?

Такъ про дубокъ тычинкѣ хмель жужжалъ.

„Ну, какъ его сравнить съ тобою?

Ты барыня предъ нимъ одной лишь прамизною.

Хоть листьемъ, правда, онъ одѣтъ,

Да что за жесткость, что за цвѣтъ!

За что его земля питаетъ“?

Межъ тѣмъ, едва недѣля протекаетъ,

Хозяинъ на дрова тычинку ту сломалъ,

А въ огородъ дубокъ пересадилъ,

И трудъ ему съ большимъ успѣхомъ удастся:

Дубокъ и принялся, и отпрыски пустилъ;

Посмотришь, около него мой хмель ужъ вьется,

И дубу отъ него вся честь и похвала!

—
Такіе-жъ у льстеца поступки и дѣла:

Онъ на тебя несетъ тьму небылицъ и бредней,

И какъ ты хочешь, такъ трудись,

Но у него въ хорошихъ быть не лъстись;

А только въ случай попадись,—

Онъ первый явится въ передней.

55. Роща и огонь.

Съ разборомъ выбирай друзей.

Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ,—

Она тебѣ лишь яму роетъ.

Чтобъ эту истину понять еще яснѣй,

Послушай басенки моей.

—
Зимою огонекъ подъ рощей тлился,

Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными забыть.

Часъ-отъ-часу огонь слабѣе становился;

Дровъ новыхъ нѣтъ; огонь мой чуть горитъ,

И, видя свой конецъ, такъ рощѣ говоритъ:

„Скажи мнѣ, роща дорогая!

За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсѣмъ нагая“?

— „Затѣмъ, что, вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу“,
Огню такъ роща отвѣчаетъ.

— „Бездѣлица“! огонь ей продолжаетъ:
„Лишь подружись со мной, тебѣ я помогу.
Я солнце въ братъ, и зимнею порою
Чудесь не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ огнѣ:

Зимой, когда кругомъ и снѣгъ, и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтеть, или зрѣть;
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю;

Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.

Какъ здѣсь оно спесиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ,
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,

Дай у себя мнѣ уголокъ“!

Вотъ, дѣло слажено: ужъ въ рощѣ огонекъ
Становится огнемъ; огонь не дремлетъ;
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;

Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютее всю рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ—и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.

И нечему дивиться:
Какъ дереву съ огнемъ дружиться!

56. Левъ, серна и лиса.

По дебрямъ гнался левъ за серной;
Уже ее онъ настигаль,
И взоромъ алчнымъ пожираль
Объдъ себѣ въ ней сытный, вѣрный.
Спастись, казалось, ей нельзя никакъ:
Дорогу обѣимъ пересѣкаль оврагъ;
Но серна легкая всѣ силы натянула,
Подобно изъ лука стрѣлѣ,
Надъ пропастью она махнула,
И стала супротивъ на каменной скалѣ.
Мой левъ остановился.
На эту пору другъ его вблизи случился:
Другъ этотъ былъ лиса.
„Какъ“? говорить она: „съ твоимъ проворствомъ, силой,
Ужели ты уступишь сернѣ хилой?
Лишь пожелай, тебѣ возможны чудеса;
Хоть пропасть широка, но если ты захочешь,
То, вѣрно, перескочишь.
Повѣрь же совѣсти и дружбѣ ты моей:
Не стала бы твоихъ отваживать я дней,
Когда бъ не знала
И крѣпости, и легкости твоей“.
Тутъ кровь во лъвѣ вскипѣла, заиграла;
Онъ бросился со всѣхъ четырехъ ногъ;
Однакожь пропасти перескочить не могъ;
Стремглавъ слетѣлъ—и до смерти убился.
А что жъ его сердечный другъ?
Онъ потихохоньку въ оврагъ спустился,
И, видя, что ужъ льву ни лести, ни услугъ
Не надо болѣ,
Онъ, на просторѣ и на волѣ,
Справлять поминки другу сталъ,
И въ мѣсяцъ до костей онъ друга оглодалъ.

57. Мальчикъ и червякъ.

Не лѣстись предательствомъ ты счастье сыскать!
У самыхъ тѣхъ всегда въ глазахъ предатель низокъ,
Кто при нуждѣ его не ставитъ въ грѣхъ ласкать;
И первый завсегда къ бѣдѣ предатель близокъ.

Крестьянина червякъ просилъ его пустить
Въ свой садъ на лѣто погостить.
Онъ обѣщаль вести себя тамъ честно;
Не трогая плодовъ, листочки лишь глотать,
И то, которые ужъ стануть увядать.
Крестьянинъ судить: «какъ пристанища не дать?
Ужли отъ червяка въ саду мнѣ будетъ тѣсно?
Пускай его себѣ живетъ.

Притомъ же важнаго убытку быть не можетъ,
Коль онъ листочка два-три сгложетъ.»
Позволилъ: и червякъ на дерево ползеть;
Нашелъ подъ вѣточкой пріютъ отъ непогодъ;
Живетъ безъ нужды, хоть непышно,
И про него совсѣмъ не слышно.
Межъ тѣмъ ужъ золотить плоды лучистый царь.
Вотъ, въ самомъ томъ саду, гдѣ также спѣтъ все стало,
Наливное, сквозное, какъ янтарь,
При солнцѣ яблоко на вѣткѣ дозрѣвало.
Мальчишка былъ давно тѣмъ яблокомъ плѣненъ:
Изъ тысячи другихъ его замѣтилъ онъ,
Да доступъ къ яблоку мудренъ.
На яблоню мальчишка лѣзть не смѣетъ,
Ее потрянуть онъ силы не имѣетъ,
И, словомъ, яблоко достать не знаетъ какъ.
Кто жъ въ кражѣ мальчику помочь взялся?—Червякъ.
«Послушай,» говорить: «я знаю это точно,
Хозяинъ яблоки велѣлъ снимать;
Такъ это яблоко обнимъ намъ не прочно;

Однакожь я берусь его достать;
Лишь подѣлись со мной. Себѣ ты можешь взять
Противу моего хоть вдесятеро болѣ;

А мнѣ и самой малой доли
На цѣлый станеть вѣкъ глотать.»

Условье сдѣлано; мальчишка согласился;
Червякъ—на яблоню, и работѣть пустился;

Онъ яблоко въ минуту подточилъ.

Но что жъ въ награду получилъ?

Лишь только яблоко упало,

И съ сѣмечками съѣлъ его мальчишка мой;

А какъ за долей сползъ червякъ долой,

То мальчикъ червяка расплющилъ подъ пятой.

Итакъ ни червяка, ни яблока не стало.

58. Демьнова уха.

«Сосѣдшка, мой свѣтъ!

Пожалуйста, покушай.»

— «Сосѣдшка, я сытъ по горло.» — «Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:

Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»

— «Я три тарелки съѣлъ.» — И, полно, что за счеты;

Лишь стало бы охоты,

А то во здравье: ѣшь до дна!

Что за уха! Да какъ жирна:

Какъ будто янтаремъ подернулась она.

Потѣшь же, миленькій дружочекъ!

Вотъ лешигъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!

Еще хотъ ложечку! Да кланяйся, жена!»

Такъ потчевалъ сосѣдь-Демьянъ сосѣда-Фоку,

И не давалъ ему ни отдыха, ни сроку;

А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.

Однакоже еще тарелку онъ беретъ,

Сбирается съ послѣдней силой,

И очищаетъ всю. «Вотъ друга я люблю!»

Вскричалъ Демьянъ: «зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схвативъ въ охапку кушакъ и шапку,—
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

59. Пустынникъ и медвѣдь.

Хотя услуга намъ при нѣждѣ дорогá,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокій,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій:
Утѣшно намъ и грусть, и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: «а лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?»
— «Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.»
Такъ и пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свести.
Въ лѣсу кого набрести,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ онъ;
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу,
И милому сосѣдушкѣ—поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,

Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль притказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору:
Пустынникъ былъ неговорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ;
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рошамъ, по лугамъ
И по доламъ, и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говорить, какъ путный, Мишка другу:
«Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу.»
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ
Да тотчасъ и заснулъ;
А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла,—
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводить духу,

Самъ думаетъ: «молчи жъ, ужъ я тебя, воструху!»
И, у друга на лбу подбарауля муху,
Что силы есть—хватъ друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался,
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался.

60. Волкъ и журавль.

Что волки жадны, всякій знаетъ:
Волкъ, ѣвши, никогда
Костей не разбираетъ.
Зато на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хотъ ноги протянуть!
Но счастью, близко тутъ журавль случился.
Вотъ, кой-какъ знаками сталъ волкъ его манить,
И просить горю пособить.
Журавль свой носъ по шею
Засунулъ къ волку въ пасть, и съ трудностью большою
Кость вытащилъ и сталъ за трудъ просить.
«Ты шутишь!» звѣрь вскричалъ коварный:
«Тебѣ за трудъ? Ахъ ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глухой головой изъ горла цѣль унесъ!
Поди жъ, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся.»

61. Крестьянинъ и работникъ.

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ-же часто худо:
Всѣ взануски его цѣнять,

И если онъ у насъ не виновать,
Такъ это чудо!

Старикъ-крестьянинъ съ батракомъ
Шель подъ вечеръ, лѣскомъ,
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмалъ крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ,
И гдѣ-бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику.
„Степанушка родной, не выдай, милый“!
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился батраку.
Вотъ, новый Геркулесъ *), со всей собравшись силой,
Что только было въ немъ,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ,
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ;
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; крестьянинъ всталъ,
И онъ же батрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
„Помилуй“, говоритъ: „за что“? — „За что, болванъ!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!“

62. Собака, человѣкъ, кошка и соколъ.

Собака, человѣкъ да кошка, да соколъ
Другъ другу поклялись однажды въ дружбѣ вѣчной,
Нелестной, искренней, чистосердечной.
У нихъ былъ общій домъ, едва ль не общій столъ;
Клялись дѣлить они и радость, и заботу,
Другъ другу помогать,

*) Геркулесъ—сказочный богатырь, необыкновенный силачъ.

Другъ за друга стоять,
И, если надо,—другъ за друга умирать.
Вотъ какъ-то вмѣстѣ всё, отправясь на охоту,
Мои друзья
Далеко отъ дому отбились,
Умаялися, утомились,
И отдохнуть пристали у ручья.
Тутъ задремали всё, кто лежа, кто и сидя;
Какъ вдругъ изъ лѣсу пасть
На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть.
Бѣду такую видя,
Соколы—на воздухъ, кошка въ лѣсъ,
И человѣкъ тутъ съ жизнью бы простился,
Но вѣрный песъ
Со звѣремъ злымъ барахтаться схватился,
Въ него вцѣпился,
И какъ медвѣдь его жестоко ни ломаль,
Какъ ни ревлѣлъ отъ боли и отъ злости,
Песъ, прохвата его до кости,
Повисъ на немъ, и зубъ не разжималь,
Доколѣ съ жизнью всѣхъ силъ не потеряль.
А человѣкъ? Къ стыду, изъ насъ не всякій
Сравнится въ вѣрности съ собакой!
Пока медвѣдь былъ занятъ дракой,
Онъ, подхвата ружье свое съ собой,
Пустился безъ души домой.
На языкѣ легка и ласка, и услуга;
Но въ нуждѣ лишь узнать прямого можно друга.
Какъ рѣдки таковы друзья!
И то сказать, какъ часто видѣлъ я,
Что, такъ какъ въ баснѣ сей былъ вѣрный песъ оставленъ,
Такъ тотъ,
Кто изъ хлопотъ
Былъ другомъ вырученъ, избавленъ,
Его же покидалъ въ бѣдѣ,
Его же и ругалъ вездѣ.

63. Лебедь, щука и ракъ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,—
На ладъ ихъ дѣло не поидеть,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мѣла.

Однажды лебедь, ракъ да щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ божи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка:
Да лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ—судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ.

64. Раздѣлъ.

Имѣя общій домъ и общую контору,
Какіе-то честные торгоши
Наторговали денегъ гору;
Окончили торги, и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору?
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ,
Какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.
„Скорѣй, скорѣй спасайте
Товары вы и домъ“!
Кричитъ одинъ изъ нихъ: „ступайте,
А счета послѣ мы сведемъ“!
— „Мнѣ только тысячу мою сперва дайте“,
Шумить другой:
„Я съ мѣста не сойду долой“.
— „Мнѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ счета ясны“!
Еще одинъ кричитъ.— „Нѣтъ, нѣтъ, мы не согласны!
Да какъ, за что и почему“?
Забывши, что пожаръ въ дому,

Проказники тутъ до того шумѣли,
Что захватило ихъ въ дыму,
И всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй,
Нерѣдко отъ того гибель всѣмъ бываетъ,
Что, чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
.Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ДОБРО И ЗЛО ОБЩЕСТВЕННОЕ.

I. Себялюбіе, лицемѣрная и глухая доброта.

65. Лягушка и Юпитеръ. *)

Живущая въ болотѣ, подѣ горой,
Лягушка на гору весной
Переселилась;
Нашла тамъ тинистый въ лоцинкѣ уголокъ,
И завела домокъ
Подѣ кустикомъ, въ тѣни, межѣ травки, какъ раекъ.
Однакожѣ имъ она не долго веселилась:
Настало лѣто, съ нимѣ жары,
И дачи квакушки таѣ сдѣлалися сухи,
Что, ногѣ не замоча, по нимѣ бродили мухи.
«О боги!» молится лягушка изъ норы:
«Меня вы бѣдную не погубите,
И землю вровень хоть съ горою затопите:
Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда
Не высыхала бы вода!»
Лягушка вопить безѣ умолку,
И наконецѣ Юпитера бранить,
Что нѣту въ немѣ ни жалости, ни толку.
«Безумная!» Юпитеръ говоритъ

*) Юпитеръ— сказочный богъ, повелитель вселенной.

(Знать, не былъ онъ тогда сердить):
«Какъ квакать попусту тебѣ охота!
И чѣмъ мнѣ для твоихъ затѣй
Перетопить людей,
Не лучше ль внизъ тебѣ стащиться до болота?»

—
На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ,
Которымъ все, кромѣ себя, постыло,
И кои думаютъ: лишь мнѣ бы ладно было,
А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ.

66. Добрая лисица.

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое;
Но нѣтъ; за ней еще должны погибнуть трое:
Онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смыслу и безъ силъ,
Малютки терпятъ голодъ
И холодъ,
И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.
«Какъ можно не страдать,
Малютокъ этихъ вида;
И сердце чье объ нихъ не заболитъ?»
Лисица птицамъ говорить,
На камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сидя:
«Не виньте, милыя, безъ помощи дѣтей;
Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите,
Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку приткните:
Вы этимъ жизнь ихъ сохраните;
Что дѣла добраго святѣй!
Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ линяешь:
Не лучше ль дать себя немножко ощипать,
И перьемъ бы твоимъ постельеу ихъ устлатъ?
Вѣдь попусту жъ его ты растераешь.
Ты, жаворонокъ, чѣмъ по верхамъ

Тебѣ кувыраться, кружиться,
Ты бѣ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,
Чтобъ съ сиротами подѣлиться.

Ты, горлинка, твои птенцы ужъ подросли,
Промыслить кормъ они и сами бы могли:

Таеъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,
Да, вмѣсто матери, къ малюткамъ сѣла,

А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ
Берегъ.

Ты бѣ, ласточка, ловила мошегъ,
Полакомить безродныхъ крошекъ.

А ты бы, милый соловей,—

Ты знаешь, какъ всѣхъ голосъ твой прельщаетъ,—
Межъ тѣмъ, пока зефиръ ихъ съ гнѣздышкомъ качаетъ *),
Ты бѣ убаюкивалъ ихъ пѣсенкой своей.

Такою нѣжностью, я твердо вѣрю.

Вы бѣ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.

Послушайте жъ меня: докажемъ, что въ лѣсахъ

Есть добрыя сердца, и что...» При сихъ словахъ,

Малютки бѣдныя всѣ трое,

Не могли съ голоду сидѣть въ покоѣ,

Попадали къ лисѣ нанизъ.

Что жъ кумушка?—Тотчасъ ихъ сѣла:

И поученья не допѣла.

—
Читатель, не дивись!

Кто добръ по истинѣ: не распложая слова,

Въ молчаньи тотъ добро творить;

А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ,

Тотъ часто только добръ на счетъ другого,

Затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого.

На дѣлѣ же почти такіе люди всѣ—

Сродни моей лисѣ.

---

*) Зефиръ—лскій вѣтерокъ.

67. Туча.

Надъ изнуренною отъ зноя стороною
Большая туча пронеслась;
Ни каплею ея не освѣжа одною,
Она большимъ дождемъ надъ моремъ пролилась,
И щедростью своей хвалилась предъ горою.

«Что сдѣлала добра
Ты щедростью такую?»

Сказала ей гора:

«И какъ смотрѣть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
Ты бь область цѣлую отъ голода спасла;
А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно.»

II. Воровство.

68. Пастухъ.

У Саввы, пастуха (онъ барскихъ пасъ овецъ),
Вдругъ убывать овечки стали.

Нашъ молодець

Въ кручинѣ и въ печали:

Всѣмъ плачется и распускаетъ толкъ,

Что страшный показался волкъ,

Что началъ онъ овецъ таскать изъ стада,

И беспощадно ихъ дереть.

«И не диковина,» твердить народъ:

«Какая отъ волковъ овцамъ пощада!»

Вотъ волка стали стеречи.

Но отчего жъ у Савушки въ печи

То щи съ бараниной, то бокъ бараній съ кашей?

(Изъ поваренковъ, за грѣхи,

Въ деревню онъ былъ сосланъ въ пастухи;

Такъ кухня у него немножко схожа съ нашей).

За волкомъ поиски; клянеть его весь свѣтъ;
Обшарили весь лѣсъ, а волка слѣду нѣтъ.
Друзья! пустой вашъ трудъ: на волка только слава,
А ѣсть овецъ-то Савва.

69. Котъ и поваръ.

Какой-то поваръ, грамотей,
Съ поварни побѣждалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ,
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Обѣдки пирога; а Васька-котъ въ углу,
Припавъ за укуснымъ боченкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.
«Ахъ, ты, обжора! ахъ, злодѣй!»
Тутъ Ваську поваръ укоряетъ:
«Не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?»
(А Васька все таки курченка убираетъ).
Какъ! бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ,
А ты... ахти, какой позоръ!
Теперья всѣ сосѣди скажутъ:
Котъ-Васька плутъ! котъ-Васька воръ!
И Ваську де, не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню;
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!»
(А Васька слушаетъ да ѣсть).
Тутъ риторъ мой, *) давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца правоученью.

*) Риторъ — здѣсь значить — краснорѣчивый человѣкъ, краснобай.

Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ,
Коть-Васька все жаркое съѣлъ.

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить:
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по-пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

70. Собака.

У барина была собака шаловлива,
Хоть вѣжды не было собакѣ той ни въ чемъ.
Иная бы такимъ житьемъ
Была довольна и счастлива,
И не подумала бы ерость;
Но ужъ у ней была такая страсть:
Что изъ мясного ни достанетъ,
Въ минуту стянеть.
Хозяинъ сладить съ ней не могъ,
Какъ онъ ни бился,
Пока его пріятель не вступился,
И въ томъ ему совѣтомъ не помогъ.
«Послушай», говорить: «хоть, кажется, ты строгъ,
Но ты лишь красть собаку приучаешь,
Затѣмъ, что краденый кусокъ
Всегда ей оставляешь;
А ты впередъ ее хоть меньше бей,
Да кражу отнимай у ней».
Едва лишь на себѣ собака испытала
Совѣтъ разумный сей,—
Шалить собака перестала.

71. Волкъ и котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости, но животъ спасая;

За шкуру онъ свою дрожалъ:

Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,

Что всѣ ворота на заборѣ.

Вотъ видить волкъ мой на заборѣ

Кота,

И молить: «Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,

Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе,

Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?

Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ?

Все это вѣдь за мной». — «Проси скорѣй Степана;

Мужикъ предобрый онъ», котъ-Васька говоритъ.

— «То такъ; да у него я ободралъ барана».

— «Ну, попытайся жъ у Демьяна».

— «Боюсь, что на меня и онъ сердить:

Я у него унесъ козленка».

— «Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ».

— «Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:

Онъ на меня съ весны грозитъ за агненка!»

— «Ну, плохо жъ! Но авось тебя укроетъ Климъ!»

— «Охъ, Вася, у него зарѣзаль я теленка.»

— «Что вижу, кумъ: ты всѣмъ въ деревнѣ насолил!»

Сказаль тутъ Васька волку:

«Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?

Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,

Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.

И правы, — самъ себя виви:

Что ты посѣяль, то и жни.»

72. Волкъ на псарнѣ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,

Попаль на псарню.

Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.

Почуя сѣраго такъ близко забяку,

Псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонь на драку;

Псаря кричать: «ахти, ребята, воръ!»

И вмгъ ворота на запоръ;

Въ минуту псарня стала адомъ.

Бѣгутъ: ивой съ дубьемъ,

Иной съ ружьемъ.

«Огня!» кричатъ: «огня!» Пришли съ огнемъ.

Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголь задомъ.

Зубами щелкая, и ошестиня шерсть,

Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;

Но видя то, что тутъ не передъ стадомъ,

И что приходитъ, наконецъ,

Ему расчесться за овецъ,

Пустился мой хитрецъ

Въ переговоры,

И началъ такъ: «друзья! къ чему весь этотъ шумъ?

Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,

Пришелъ мириться къ вамъ, совѣмъ не ради ссоры;

Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!

А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,

Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,

И волчьей клятвой утверждаю,

Что я...» — «Послушай-ка, сосѣдъ,»

Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:

«Ты сѣрь, а я, пріятель, сѣдъ,

И волчью вашу я давно натуру знаю;

А потому обычай мой:

Съ волками иначе не дѣлать мировой,

Какъ снявши шкуру съ нихъ долой.»

И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

73. Волкъ и пастухи.

Волкъ, близко обходя пастушій дворъ

И видя, съвозъ заборъ ,

Что, выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ,

Спокойно, пастухи барашка потрошатъ,
А псы смиренхонько лежатъ,
Самъ молвилъ про себя, прочь уходя въ досадѣ:
«Какой бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли, друзья,
Когда бы это сдѣлалъ я!»

III. Корыстный и пристрастный судъ.

74. Крестьяне и рѣка.

Крестьяне, вышедъ изъ терпѣнья
Отъ разоренья,
Что рѣчки имъ и ручейки
При водополи причиняли,
Пошли просить себѣ управы у рѣки,
Въ которую ручьи и рѣчки тѣ впадали.
И было что на нихъ донести:
Гдѣ озими разрыты;
Гдѣ мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота, что и не счесть!
А та рѣка течетъ такъ смирно, хоть и пышно;
На ней стоятъ большіе города,
И никогда
За ней такихъ проказъ не слышно;
Такъ вѣрно ихъ она уйметъ,
Между собой крестьяне разсуждали.
Но что жъ? Какъ подходить къ рѣкѣ поближе стали
И посмотрѣли, такъ узнали,
Что половину ихъ добра по ней несетъ.
Тутъ, попусту не заводи хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потомъ взглянулись межъ собой,
И, покачавши головой,
Пошли домой;
А отходя проговорили:

«На что и время тратить намъ!
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлается они со старшимъ пополамъ.»

75. Щ у к а.

На щуку подавъ въ судъ доносъ,
Что отъ нея житья въ прудѣ не стало;
Уликъ представленъ цѣлый возъ,
И виноватую, какъ надлежало,
На судъ въ большой лахани принесли.
Судьи невдалекѣ собирались:
На ближнемъ ихъ лугу пасли;
Однакожь имена въ архивѣ ихъ остались:
То были два осла,
Двѣ клячи старыя да два или три козла;
Для должнаго жъ въ порядкѣ дѣлъ надзора,
Имъ придана была лиса за прокурора.
И слухъ между народа шель,
Что щука лисанькѣ снабжала рыбный столъ;
Со всѣмъ тѣмъ не было въ судьяхъ лицепріязни;
И то сказать, что щукиныхъ проказъ
Удобства не было закрыть на этотъ разъ;
Такъ дѣлать нечего: пришло писать указъ,
Чтобъ виноватую предать позорной казни,
И, въ страхъ другимъ, повѣсить на суку.
«Почтенные судьи!» лиса тутъ пристуила:
«Повѣсить мало; я бъ ей казнь опредѣлила,
Какой не видано здѣсь на вѣку:
Чтобъ было впредь плутамъ и страшно, и опасно,
Такъ утопить ее въ рѣкѣ.» — «Прекрасно!»
Кричатъ судьи. На томъ рѣшили всѣ согласно,
И щуку бросили въ рѣку!

76. Мірская сходва.

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рывахъ безсовѣстныхъ людей,—

Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, споровку.

Въ овечьи старосты у льва просился волкъ.

Стараньемъ кумушки-лисицы,

Словцо о немъ замолвлено у львицы;

Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,

И не сказали бы, что смотритъ левъ на лица,

То велѣно звѣриный весь народъ

Созвать на общій сходъ,

И распросить того, другого,

Что въ волкѣхъ добраго онъ знаетъ или худого.

Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны;

На сходкѣхъ голоса чинъ-чиномъ собраны,

Но противъ волка нѣтъ ни слова,

И волка велѣно въ овчарню посадить.

Да что же овцы говорили?

На сходкѣхъ вѣдь онѣ, ужъ вѣрно, были?—

Вотъ то-то нѣтъ! овецъ-то и забыли!

А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

77. Волки и овцы.

Овечкамъ отъ волковъ совсѣмъ житья не стало,

И до того, что наконецъ

Правительство звѣрей благія мѣры взяло

Вступиться за спасенье овецъ:

И учрежденъ совѣтъ на сей конецъ.

Большая часть въ немъ, правда, были волки;

Но не о всѣхъ волкахъ вѣдь злые толки:

Видали и такихъ волковъ, и многократно,—

Примѣры эти не забыты,—

Которые ходили близко стада

Смирнехонько, когда бывали сыты;

Такъ почему жъ волкамъ въ совѣтѣ и не быть?

Хоть надобно овецъ оборонить,

Но и волковъ не вовсе жь притѣснить.
Вотъ, засѣданіе въ глухомъ лѣсу открыли;
Судили, думали, рядили,
И наконецъ придумали законъ.
Вотъ вамъ, отъ слова въ слово, онъ:
«Какъ скоро волкъ у стада забуйнитъ,
И обижать онъ овцу станеть,
То волка тутъ властна овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворотъ, и въ судъ тотчасъ представить,
Въ сосѣдній лѣсъ иль въ боръ.»
Въ законѣ нечего прибавить, ни убавить;
Да только я видалъ до этихъ поръ—
Хоть, говорятъ, волкамъ и не спускаютъ—
Что будь овца отвѣтчикъ иль истецъ,
А только волки все-таки овецъ
Въ лѣса таскаютъ.

78. Слоно́въ на воеводствѣ.

Кто знатенъ и силенъ,
Да не уменъ,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

На воеводствѣ былъ въ лѣсу посаженъ слонъ.
Хоть, кажется, слоновъ и умная порода,
Однакоже въ семьѣ не безъ урода:
Нашъ воевода
Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ простъ;
А съ умыслу онъ мухи не обидить.

Вотъ добрый воевода видитъ:
Вступило отъ овецъ прошеніе въ приказъ:
«Что волки де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ.»
— «О плуты!» слонъ кричитъ: «какое преступленіе!
Кто грабить даль вамъ позволеніе?»

А волки говорятъ: «помилуй, нашъ отецъ!

Не ты ль намъ къ зѣмѣ на тулупы:

Позволилъ легонькій оброкъ собрать съ овецъ?

А что онѣ кричать, такъ овцы глупы:

Всего-то придетъ съ нихъ съ сестры по шкурѣ снять,

Да и того имъ жаль отдать.»

— «Ну то-то жъ,» говоритъ имъ слонъ: «смотрите!

Неправды я не потерплю ни въ комъ:

По шкурѣ, такъ и быть, возьмите;

А больше ихъ не троньте волоскомъ.»

IV. Общественное значеніе разныхъ званий и состояній.

79. Собака и лошадь.

У одного крестьянина奴家,

Собака съ лошадыю считаются какъ-то стали.

«Вотъ,» говоритъ Барбось: «большая госпожа!

По мнѣ хоть бы тебя совсѣмъ съ двора согнали.

Велика вещь возить или пахать!

Объ удалствѣ твоёмъ другого не слышать,

И можно ли тебѣ равняться въ чемъ со мною?

Ни днемъ, ни ночью я не вѣдаю покою:

Днемъ стадо подъ моимъ надзоромъ на лугу,

А ночью домъ я стерегу.»

— «Конечно,» лошадь отвѣчала:

«Твоя правдива рѣчь;

Однакоже, когда бъ я не пахала,

То нечего бъ тебѣ здѣсь было и стеречь.»

80. Овцы и собаки.

Въ какомъ-то стадѣ у овецъ,

Чтобъ волки не могли ихъ болѣе тревожить,

Положено число собакъ умножить.
Что жъ? Развелось ихъ столько наконецъ,
Что овцы отъ волковъ, то правда, уцѣлѣли;
Но и собакамъ надо жъ ѣсть:
Сперва съ овечекъ сняли шерсть,
А тамъ, по жребію, съ нихъ шкурки полетѣли,
А тамъ осталось всего овецъ пять-шесть,
И тѣхъ собаки съѣли.

81. Листы и корни.

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами шептали *);
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?»
Что бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?
У насъ же раннею и позднею зерей
Насвистываетъ соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаетесь съ нами.»
— «Промолвить можно бы спасибо тутъ и намъ,»
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
— «Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно?
Вы кто такіе тамъ,
Что дерзко такъ считаться съ нами стали?»

---

*) Зефиръ—легкій вѣтерокъ.

Листы, по дереву шумя, залепетали.

— «Мы тѣ,

Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,

Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?

Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.

Брасуйтесь въ добрый часъ!

Да только помните ту разницу межъ насъ:

Что съ новою весной листъ новый народится;

А если корень изсушится—

Не станеть дерева, ни васъ».

82. Пушки и паруса.

На корабль у пушекъ съ парусами

Возстала страшная вражда.

Вотъ, пушки, выставясь изъ бортовъ вонъ носами,

Роптали такъ предъ небесами:

«О боги! видано ль когда,

Чтобы ничтожное холстинное творенье

Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?

Что дѣлають они во весь нашъ трудный путь?

Лишь только вѣтеръ станеть дуть,

Они, надувъ спесиво грудь,

Какъ будто важнаго какого сану,

Несутся гоголемъ по океану,

И только чванятся; а мы громимъ въ бояхъ!

Не нами ль царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?

Не мы ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ?

Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ парусами;

Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами;

Лети же, помоги, могущій намъ Борей,

И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!»!

Борей послушался: летить, дохнулъ, и вскорѣ

Насушилось и почернѣло море;

Покрылись тучею тяжелой небеса;

Валы вздымаются и рушатся, какъ горы;

Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпнеть блескъ молній взоры;
Борей реветъ, и рветъ въ доскутья паруса.

Не стало ихъ, утихла непогода;

Но что жъ? Корабль безъ парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ, и валовъ,
И носится онъ въ морѣ, какъ колода;

А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,
Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грануль,
Корабль мой не движимъ, сталъ скоро рѣшетомъ,
И съ пушезами, какъ ключъ, онъ ко дну бануль.

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ—врагамъ она грозна,
А паруса—гражданскія въ ней власти.

83. Г у с и.

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиный:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтаясь съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
«Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто бы простыхъ гусей, гоняетъ;
А этого не смыслить неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ;

Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!» *)
— «А вы хотите быть за что отличены?»
Спросилъ прохожій ихъ. — «Да наши предки...» — «Знаю,
И все читалъ, но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?»
— «Да наши предки Римъ спасли!»
— «Все такъ, да вы что сдѣлали такое?»
— «Мы? ничего!» — «Такъ чтожъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ подѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.»

Баснь эту можно бы и болѣе пояснить;
Да чтобъ гусей не раздражить.

84. Водопадъ и ручей.

Кипящій водопадъ, свергаясь со скалъ,
Цѣлебному ключу съ надменностью сказалъ
(Который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ,
Но силой славился лѣчебною своею):
«Не странно ль это? Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ,
А у тебя всегда премножество гостей?
Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивиться;
Къ тебѣ зачѣмъ идутъ?» — «Лѣчиться,»
Смиренно прожурчалъ ручей.

85. Орелъ и пчела.

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой:
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ;
Но сколь и тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытый,

---

*) По преданію, — гуси въ древности Римъ спасли, поднявъ переполохъ, когда къ городу подступилъ врагъ.

За всё труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестями не льстится,
И мыслью оживленъ одной,
Что въ пользѣ общей онъ трудится.

Увидя, какъ пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,
Сказаль орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:
«Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка,
Со всей твоей работой и съ умѣньемъ!
Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ соты:
Да кто же послѣ разберетъ
И отличить твои работы?
Я, право, не пойму охоты
Трудиться цѣлый вѣкъ, и что жъ имѣть въ виду? —
Безвѣстной умереть со всѣми на ряду!
Какая разница межъ нами!
Когда, расширися шумящими крылами,
Ношуся я подь облаками,
То всюду разсѣваю страх:
Не смѣютъ отъ земли пернатые подняться,
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ,
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться.»
Пчела отвѣтствуетъ: «тебѣ хвала и честь!
Да продлить надъ тобой Зевесъ свои щедроты! *)
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отлнчать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.»

86. Пчела и мухи.

Двѣ мухи собрались летѣть въ чужіе края,
И стали подзывать съ собой туда пчелу:

*) Зевесъ—сказочный богъ.

Имъ насказали попугай
О дальнихъ сторонахъ большую похвалу.
Притомъ же имъ самимъ казалось обидно,
Что ихъ, на родинѣ своей,
Вездѣ гоняють изъ гостей;
И даже до чего (какъ людямъ-то не стыдно,
И что они за чудаки!):
Чтобъ поживиться имъ не дать сластями
За пышными столами,
Придумали отъ нихъ. стеклянны колпаки;
А въ хижинахъ на нихъ злодѣи пауки.
«Путь добрый вамъ,» пчела на это отвѣчала:

«А мнѣ

И на моей пріятно сторонѣ.
Отъ всѣхъ за соты я любовь себѣ сыскала,
Отъ поселянъ и до вельможъ.
Но вы летите,
Куда хотите!

Вездѣ вамъ будетъ счастье то жъ:
Не будете, друзья, нигдѣ, не бывъ полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны;

А рады пауки лишь будутъ вамъ
И тамъ.»

Кто съ пользою отечеству трудится,
Тотъ съ нимъ легко не разлучится;
А кто полезнымъ быть способности лишень,
Чужая сторона тому всегда пріятна:
Не бывши гражданинъ, тамъ менѣ презрѣнъ онъ,
И никому его тамъ праздность не досадна.

КОНЕЦЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ	III.
Группировка басенъ по содержанию	IX.

Отдѣлъ первый: Добро и зло для себя самого

I. Невниманіе къ своимъ недостаткамъ.

1. Зеркало и обезьяна	1
2. Любопытный	2
3. Лисица и виноградъ	—
4. Волкъ и кукушка	3
5. Два мужика	4

II. Глупая нерасчетливость и алчность.

6. Лиса	5
7. Мельникъ	6
8. Скупой и курица	7
9. Фортуна и нищій	8
10. Бѣдный богатъ	9

III. Хвастовство и похвальба.

11. Обозъ	12
12. Чижъ и голубь	13
13. Заяцъ на ловлѣ	—
14. Лжець	14
15. Синица	16
16. Слонъ и моська	17
17. Кукушка и пѣтухъ	—
18. Муравей	18
19. Двѣ бочки	19

IV. Неразумная переимчивость.

20. Скворецъ	20
21. Щука и котъ	21
22. Ворона	22
23. Лягушка и волъ	23
24. Обезьяны	24

V. Невѣжество.

25. Квартетъ	25
26. Осель и соловей	26
27. Пѣтухъ и жемчужное зерно	27
28. Мартышка и очки	—
29. Свиныя подъ дубомъ	28

VI. Бездѣлье, трудъ.

30. Муха и пчела	29
31. Обезьяна	30
32. Бѣлка въ колесѣ	31
33. Паукъ и пчела	—
34. Трудюбивый медвѣдь	32
35. Двѣ собаки	33
36. Стрекоза и муравей	34
37. Старикъ и трое молодыхъ	35
38. Прудъ и рѣка	36

Отдѣлъ второй: Добро и зло для другого,

I. Взаимное отношеніе между слабымъ и сильнымъ.

39. Мышь и крыса.....	39
40. Левъ и лисица.....	—
41. Левъ и волкъ.....	40
42. Левъ на ловлѣ.....	—
43. Волкъ и ягненокъ.....	41
44. Морь звѣрей.....	42
45. Орель и кротъ.....	45
46. Левъ и мышь.....	46
47. Левъ и комаръ.....	47
48. Левъ состарѣвшійся.....	48

II. Дружба, товарищес.

49. Крестьянинъ и змѣя.....	49
50. Волкъ и лисица.....	50
51. Крестьянинъ въ бѣдѣ.....	51
52. Собачья дружба.....	52
53. Ворона и лисица.....	—
54. Хмель.....	—
55. Рожа и огонь.....	55
56. Левъ, серна и лиса.....	57
57. Мальчикъ и червякъ.....	58
58. Демьянова уха.....	59
59. Пустынникъ и медвѣдь.....	60
60. Волкъ и журавль.....	62
61. Крестьянинъ и работникъ.....	—
62. Собака, человекъ, кошка, соколъ.....	63
63. Лебедь, щука и ракъ.....	65
64. Раздѣлъ.....	—

Отдѣлъ третій: Добро и зло общественное.

I. Себялюбіе, лицемѣрная и глупая доброта.

65. Лягушка и Юпитеръ.....	68
66. Добрая лисица.....	68
67. Туча.....	70

II. Воровство.

68. Пастухъ.....	70
69. Котъ и поваръ.....	71
70. Собака.....	72
71. Волкъ и котъ.....	—
72. Волкъ на псарнѣ.....	73
73. Волкъ и пастухи.....	74

III. Благосклонный и пристрастный судъ.

74. Крестьяне и рѣка.....	75
75. Щука.....	76
76. Мѣрская сходка.....	—
77. Волки и овцы.....	77
78. Слоноу на воеводствѣ.....	78

IV. Общественное значеніе разныхъ званій и состояній.

79. Собака и лошадь.....	79
80. Овцы и собаки.....	—
81. Листы и корни.....	80
82. Пушки и паруса.....	81
83. Гуси.....	82
84. Водопадъ и ручей.....	83
85. Орель и пчела.....	—
86. Пчела и мухи.....	84

180

180

ИЗДАНІЯ МОСКОВСКАГО КОМИТЕТА ГРАМОТНОСТИ.

- М. Ю. Лермонтовъ.**—Избранныя сочиненія съ біографіей, примѣчаніями, портретомъ и тремя рисун. Ц. 15 к.
- А. В. Кольцовъ.**—Избранныя стихотворенія, съ портретомъ, краткой біографіей. Ц. 6 к.
- В. И. Немировичъ-Данченко.**—Избранныя стихотв. Ц. 3 к.
- А. Н. Плещеевъ.**—Избранныя стихотворенія, съ портретомъ. Цѣна 7 к.
- Его же.**—Работница.—поэма. Ц. 3. к.
- Е. Л.**—Александръ II, Царь Освободитель, съ портретомъ и тремя рисунками. Ц. 10 к.
- Е. Л.**—А. В. Суворовъ, съ портрет. и рисункомъ. Ц. 5 к.
- А. М. Сливциій.**—Полное житіе Свят. Феодосія, игумена Печерскаго, съ двумя рисунками. Ц. 10 к. Одобрено Училищн. Совѣтомъ при Свят. Синодѣ.
- П. Мамаевъ.**—Полезныя и вредныя для человѣка животныя. I. Хомякъ, ласка, ежъ и кротъ. Съ рисунками. Ц. 6 к.
- Ежегодникъ.**— Обзоръ книгъ для народнаго чтенія. За 1891-й годъ. Ц. 15 к.
- Ежегодникъ.**— Обзоръ книгъ для народнаго чтенія. За 1892-й годъ. Ц. 30 к.
- Виноградовъ Н.**— Д-ръ. Что такое заразная болѣзнь и какъ себя отъ нея предохранить Ц. 2 к.
- Никитинъ.**—Избранныя стихотворенія. Цѣна 10 к.

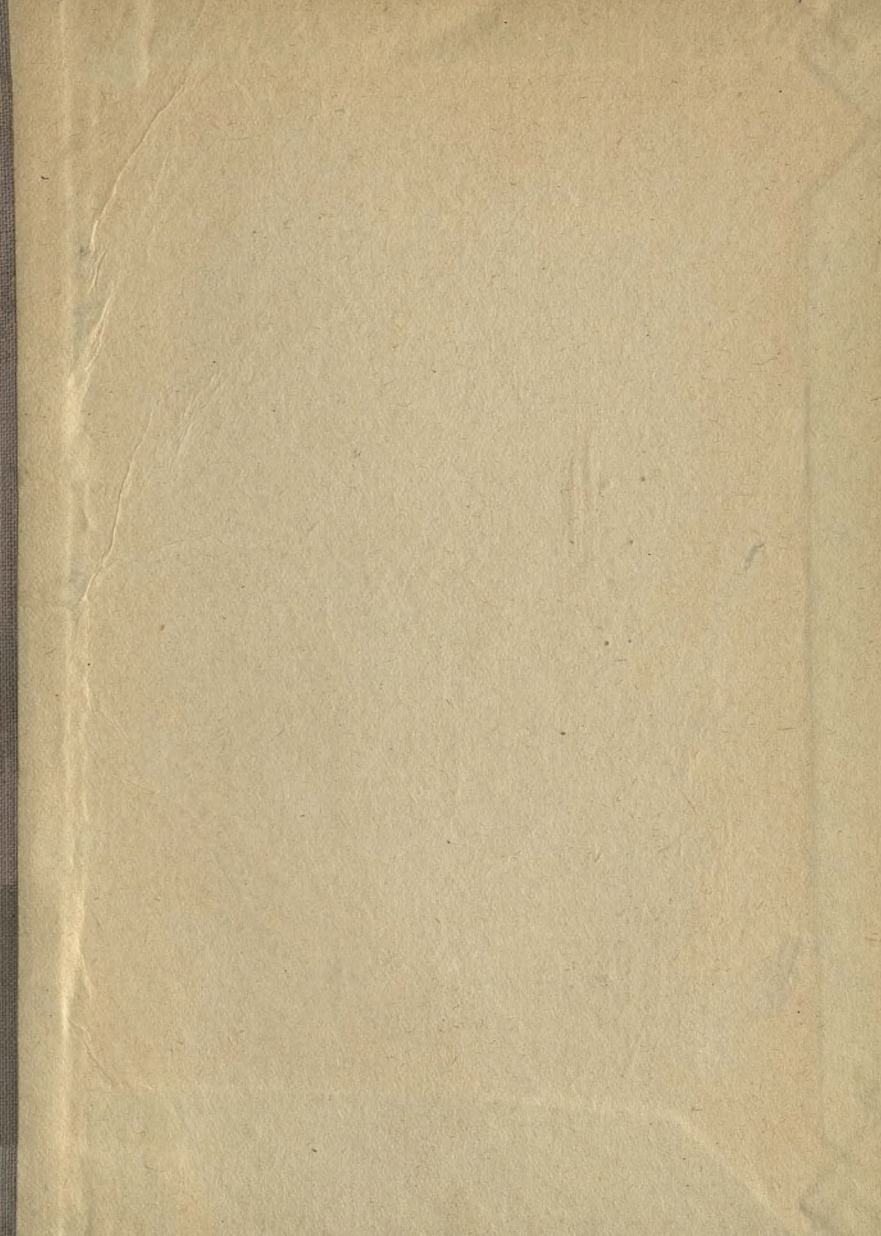
Книгопродавцамъ уступается отъ 25 до 30%.

2014243656